

A promotional image for the movie 'Zona Posesheniya'. It features a bearded man with long hair, wearing a brown military-style jacket and pants, sitting on a bloody animal carcass. He is holding a large knife. To his left, a submachine gun is visible. The background is a dark, stormy forest with lightning in the distance. The overall tone is dark and ominous.

Андрей Альтанов

[ЗОНА ПОСЕЩЕНИЯ]

Апокалипсис-СТ

Андрей Альтанов

**Зона Посещения.
Гайки, деньги и пила**

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Альтанов А.

Зона Посещения. Гайки, деньги и пила / А. Альтанов — «АСТ», 2016 — (Апокалипсис-СТ)

Шесть лет прошло с тех пор, как экспедиция Егора Зотова взбудоражила обывателей и возродила интерес к Зоне Три-Восемь. Но лихая команда Егора таинственно исчезла на аномальных просторах. Без следа растворились и все поисковые отряды. Постепенно Зона сожрала и небывалый наплыв наивных сталкеров-романтиков. Всё вернулось на круги своя. Но спустя годы здесь вновь происходит нечто странное. В Зоне родился новый хищник. Бурый Отшельник – так зовут бродягу, который раз за разом уходит в Зону и ведёт там свою жестокую игру. Он ненавидит алчность, хотя любит деньги. Он терпеть не может людей, насквозь пропитанных пороками и грехами, однако сам беспросветно грешен. Но однажды в его хитром раскладе выпадает аномальный джокер – старый разыскиваемый сталкер. И монотонная партия, ставка в которой десятки жизней, получает мощный импульс азарта. Но кто же в Зоне Три-Восемь главный игрок?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Альтанов А., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Полутона смерти	5
Голод в райском саду	12
Подарок судьбы	20
Нагуливая аппетит	27
Реванш-рывок	35
Эх, хвост, чешуя	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Альтанов

Зона Посещения. Гайки, деньги и пила

Ты должен сделать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать.

Р.П. Уоррен

*...И хотя его руки были в крови,
Они светились, как два крыла,
И порох в стволах превратился в песок,
Увидев такие дела.*

Nautilus Pompilius, «Воздух»

Полутона смерти

По лезвию ножа, осторожно переставляя лапки по зазубринам, ползет мой тезка – паук бурый отшельник. Он убийца, такой же, как и я, – убийца от природы. Но разве здесь это грех? Не думаю. В конце концов, все в Зоне Три-Восемь убийцы. Другие виды хомо сапиенс тут не приживаются. И можно было бы назвать исключением из правил бесчисленных исследователей-ученых, но дольше одного поганого года эти хилые особи в Зоне не живут.

Даже та бравая команда из канадского филиала Международного института внеземных культур, что нашла меня когда-то голого, перепачканного кровью и грязью в затерянной посреди аномальных земель пещере, не продержалась здесь и трех месяцев. Кто-то из ребят сгинул в зонах измененного физического пространства, кто-то был растерзан мутантами, а кого-то сразила бандитская пуля. И лишь один из «академиков» (так я шутливо называл знакомых очкариков) вышел из Зоны живым.

Звали его Бенджамин Кельт. Кельт – это прозвище, которое он взял себе сам и неизвестно за какие заслуги. Этот малый любил давать всем окружающим забавные кликухи. Вот и мне он придумал погоняло, на первый взгляд странное. А впрочем, как еще можно назвать человека, одиноко прозябающего в пещере? Только отшельником. А бурый цвет моей кожи от слоя спекшейся крови лишь добавил изюминку. И с тех пор я – Бурый Отшельник. Другого имени у меня попросту нет. Как нет и прошлого.

Я не помню, что было со мной до того самого момента, как я оказался в той мрачной затхлой пещере. Самое первое воспоминание в моей теперешней жизни – это яркий луч тактического фонаря, который выхватил из темноты мое скрутившееся в калач тело. Там, в смердящей лужице, в окружении исковерканного Посещением физического пространства, и родилось мое нынешнее «Я».

А ее величество утерянная память ко мне не спешит возвращаться. Да и нет особого желания ее в этом торопить. Лишь несколько смутных полузабытых снов и парочка секундных озарений, высветивших картинку из прошлого, – вот и все, что мне осталось от прежней жизни. И картинка эти меня совсем не вдохновляют в силу своей исключительной стрелности...

То, что до потери памяти я был сталкером-проводником, стало ясно сразу. Ребята из Института быстро заметили, что у меня в кору головного мозга на уровне рефлексов вшито умение передвигаться по аномальным просторам Зоны Три-Восемь. И не просто передвигаться, а еще и вести за собой отряд. Практически все встреченные зоны измененного физи-

ческого пространства (или, как их называют академики, зоны ИФП) я ощущал нутром и обходил стороной на радость моим очкарикам. А какие не ощущал – те нашупывала ловко брошенная гайка. По сути, это умение обращаться со столь устаревшим и неудобным щуп-маячком выдало во мне stalkera старой школы.

Чуть позже обнаружили и другие навыки, среди которых сборка-разборка «калаша» с закрытыми глазами и умение устанавливать растяжки – далеко не самые полезные. Хотя и мои армейские навыки стали причиной белой зависти сопровождающего нас лейтенанта. Старый солдат из службы охраны Периметра, закрепленный за экспедицией, стал называть меня спецназером сразу после того, как мы попали в засаду корейских рейдеров и благодаря мне вышли из столкновения с минимальными потерями. Где я так научился стрелять и двигаться во время боя – загадка того же уровня сложности, что и все остальные, связанные с моим прошлым.

После той памятной схватки, когда я собственноручно перебил дюжину разбойников, во мне обнаружилась еще одна загадочная, но весьма приятная странность, о которой я решил не рассказывать окружающим. Сквозное пулевое ранение в моем правом боку затянулось за считанные минуты, без следа, без шрама. И при этом я не имел никаких инопланетных штуквин, ускоряющих регенерацию. Да и синий атомный рис, разгоняющий метаболизм и заживляющий раны, я тогда еще не успел раздобыть.

С тех пор самой большой загадкой для меня стал я сам. Мало кому выпадает столь увлекательное занятие – изучать себя самого и открывать раз за разом что-то новое и весьма необычное. Много всяких интересных особенностей успел я приметить за три с половиной года своей новой жизни, но самая странная из них... Впрочем, об этом чуть позже.

* * *

Лапки паука преодолели полосу препятствий лезвия и осторожно опустились на мою кожу. Легкое щекотливое прикосновение тут же выдуло из головы зыбкий туман воспоминаний. Эта невзрачная зонная букашка, как и прочие обитатели аномальной реальности, подверглась здесь определенным метаморфозам. И до них, конечно, укус бурого отшельника был крайне опасен и вызывал обширный некроз тканей в месте укуса, но сейчас он стал смертельным без вариантов. И все бы ничего, если бы эта смерть была быстрой или хотя бы безболезненной. Но здесь, в Зоне Три-Восемь, костлявая старуха к своей работе подходит с фантазией, энтузиазмом и изрядной долей креативности.

Всего один едва заметный укус самки отшельника, и в твою плоть впрыснут не только яд, разъедающий плоть, но и туча крошечных паучьих яиц. А вся гениальность природы заключена лишь в том, что этот яд способен превратить в мутную кашу даже паучье потомство. И тут же вылупившиеся личинки должны очень быстро пожирать плоть жертвы, распозаваясь подальше от зоны укуса. А яд, мгновенно пропитавший их тела, продолжает безжалостно разъедать членистоногое отродье. И чем активнее личинки пожирают тело укушенного, тем быстрее делятся их клетки и тем больше у них шансов выиграть гонку на выживание.

В этой гонке побеждают далеко не все личинки. Но те сильнейшие, что успевают за отведенное время полностью обновить свой организм, приступают ко второй фазе борьбы за право существования. Они вгрызаются все глубже в организм жертвы, прячутся среди органов так, что в полевых условиях простым ножом их уже не вырезать. И там, среди кишок, паучки продолжают жрать и созревать. И до самого конца, пока взрослые особи не начнут прорубать себе выход наружу, человек остается живым и в полном сознании. Жертва ощущает, как ее выедают изнутри, порой сходит с ума, но всенепременно остается живой, хоть к финальной стадии становится уже практически обездвиженной...

* * *

Застывший в нерешимости паук вновь зашевелился. Уже готовые к укусу крючко-видные челюсти брезгливо втянулись назад. Крупная самка отшельника развернулась и поползла по лезвию в обратную сторону.

– Что, мяско не по вкусу, гурман хренов? – Я ехидно улыбнулся и подмигнул членистоногому.

По неизвестным причинам некоторые мутанты не желали употреблять меня в пищу, а пришлепнуть просто так ради забавы – на это способны исключительно люди. Посему именно человек в Зоне Три-Восемь для меня самый опасный и коварный враг. Но одновременно он и самый желанный мой трофей...

– Не бойсь, животинка, – я слегка приподнял нож, чтобы усложнить паучку продвижение, – сегодня ни ты, ни твои детки голодными не останутся.

Уже практически рассвело. Через час в лагере подъем, и народ будет крайне раздражен, если узнает, что ночью в дозоре стоял совсем зеленый новичок, а не один из двух оставшихся проводников. До Периметра не больше дневного перехода, засветло должны успеть к «русскому сектору» торговой зоны. А потому самое время завершать свою игру.

Я встал и отправился по каменистому склону к узкой расщелине, на дне которой был скрыт вход в подземные пустоты, выеденные сиреневым студнем. Это укромное местечко я заметил, когда оно еще было размером с небольшую комнатку. Теперь же это просторный подземный зал, изрезанный смертельными ручейками коллоидного газа, где можно быть на сто процентов уверенным, что тебя никто не побеспокоит. Исследовать студневую пещеру рискнут лишь опытные сталкеры, а таковых в радиусе нескольких десятков километров лишь двое. И оба уже здесь...

– Ым-м-м-мы-м, – задергался на полу связанный бродяга, увидев меня.

– Иду-иду! – Я задорно перескочил несколько сиреневых ручейков и выдернул изо рта бедолаги кляп.

– Твою мать, Бурый! Какого черта?! Развяжи меня!

Красный от злости Васька Колун гневно буравил меня взглядом, но так и не рискнул зарядить привычную серию восьмиэтажного мата. Еще бы, ведь это же не я увязался за ним ночью со стволом наготове, а совсем наоборот.

– Какого черта? – передразнил я его, присел на корточки и помахал лезвием у самого носа связанного. – А я тебе сейчас все доступно разъясню, напарничек. Или ты мне сам во всем сознаешься? Ну, как там эти в судах говорят: «чистосердечное признание» и все такое.

– Ты все неправильно понял, – начал отнекиваться Васька, – я пошел за тобой, чтобы подстраховать. Мне показалось, что на том склоне кто-то прячется, я предупредить тебя шел. Из добрых же побуждений...

– Угу, и глушитель на свою «Беретту» тоже накрутил из добрых побуждений?

– Ну, накрутил! И что с того? Это Зона, тут всякое бывает...

– Точно, всякое! – Я поморщился от отвращения. – И крысы, выдающие себя за надежных напарников, тоже встречаются.

– О чем это ты? – Правое веко Васьки задергалось. – Не думаешь же ты...

– Не думаю, а знаю! Давно тебя заметил, крысеныш, много народа про твои ходки расспросил. И знаешь, что узнал? Практически всегда из этих ходок ты возвращался единственным проводником в группе. Сколько бы ни вышло в Зону наших пацанов – двое, трое, четверо, – с отрядом заказчика ты один живым до Периметра доходил. И тебе одному доставались все сталкерские кровные, которые нужно было по-братски с пацанами разделить. Вот и сейчас на финише ты, дружище, захотел подобный номер проверить. Решил, что дальше

и сам справишься. Вчера Петруху на тот свет отправил, а сегодня от меня решил избавиться. И не отнекивайся, я видел, как ты парнишку нашего доверчивого в «горнило» подтолкнул. А вообще грубо сработал – только полный идиот поверит, что сталкер, пусть и неопытный, сам в «горнило» влететь может. Это же не «эфирная рябь», которую хрен разглядишь, а такой себе солнцеобразный плазмод...

– Короче, Склифосовский! А даже если все так, как ты говоришь? – Напарник решил вскрыть карты. – Что с того? Это Зона, здесь народ постояннодохнет, тут каждую минуту кого-то убивают. Сам небось тьму народа переложил. Так чем ты лучше? В конце концов, и тебе самому выгодна смерть Петрухи – его доля и тебе капнет.

– Капнет, говоришь?.. – Я скорчил коварную гримасу, поиграл лезвием перед его перепуганной мордой и кончиком ножа подцепил раздутую ноздрю мерзавца; по блестящему металлу поползла маленькая вязкая капелька крови. – А знаешь, ты прав. Я ничем не лучше тебя...

– Погоди... Ну, хочешь, возьми все наши деньги. – Тон Васьки стал каким-то заигрывающим и молящим. – Серьезно, бери все! А мне только копеечку подбрось, чтобы хоть в ноль из этой ходки выйти. Ну или просто отпусти меня, даже без оружия. Я уйду, и ты меня больше никогда не увидишь. А нашим в лагере скажешь, что я на ночную разведку вышел и не вернулся. Никто меня искать или ждать не станет...

– Вот и я так подумал, что никто тебя искать не станет, особенно здесь. А то, что ты из лагеря типа на разведку вышел, так это и Сенька-очкарик подтвердит, которого ты там за себя оставил.

Вдруг я заметил, что паучок на моем ноже слишком близко подполз к ничего не подозревающей жертве. Рано, еще слишком рано. Рука непроизвольно дернулась, слегка надрезав край ноздри напарника. Это произошло случайно, но придало моим словам крайне зловеший оттенок.

– Да что такое с тобой?! – Васька задергал головой и покраснел от злости. – Бабки же все тебе достанутся! Хочешь, и снарягу мою себе бери. И там еще в рюкзаке есть две карточки «Аноним-банка», на каждой по десятке зелененьких. Забирай и их, но коды к ним скажу, когда отпустишь меня. Слово даю!

– Не понял ты, парниша, одного. Не нужны мне твои бабки. И дело даже не в том, что ты Петруху замочил.

– Тогда в чем?! В чем дело?!

– Вопрос звучит так: почему ты это делал? Почему все это время напарников своих убивал?

– Чего-чего?..

– Ты убивал всех не ради выживания, а ради наживы. Жаден ты без меры. Только бабла хочешь, да побольше!

– И что? Это же нормально! – искренне удивился Васька.

– А вот и нет. Про семь смертных грехов слышал что-нибудь? Есть там один такой – алчность называется. Уже только за это от тебя боженька отвернулся.

– Ты что, дурак?! – Лицо напарника перекосило от моих слов. – Приволок меня сюда, чтобы проповеди читать?..

– Но это у боженьки только семь смертных грехов, – продолжил я, не обращая внимания на его слова, – а в моем личном списке их намного больше. Кроме алчности, я вменяю тебе предательство брата-сталкера и самый отвратительный, как по мне, грех – сотрудничество с сучьей гэбней. Ведь именно для них ты эту флешечку, – я достал из кармана маленький прозрачный прямоугольник на серебристой цепочке, – у нашего главного «академика» упер? А прежде превратил его в овощ пыльцой черного гибискуса. И именно поэтому ты

сейчас так легко с гонораром проводника и своими сбережениями хотел расстаться. МКЗП¹ тебе за эту информацию в десять раз больше зелененьких даст. Я прав?

– Ах ты мразь, уже успел мой рюкзак прошмонать, – затрясся от гнева напарник. – Вот только хрена с два тебе кто поверит, что я первый сталкерский² нарушил. Я еще не настолько туп, чтобы за какое-то сраное поручение МКЗП поставить крест на многолетней карьере проводника. Первый сталкерский только наивные новички нарушают. А я ветеран!

– Вот и я так подумал, – ехидная улыбочка растянула мои губы, – что информация на этой флешке стоит нереально дурных денег. Настолько дурных, что ты решил завязать с Зоной, сняв напоследок банк. Вот только алчность тебе все подгадила. Из-за своей идиотской привычки ты решил и нашу с Петрухой сталкерскую копейку себе оставить. На мелочи, придурок, погорел. Ну, признайся, я же прав?

– Пошел ты! – Васька хотел плюнуть мне в лицо, но веревка, обвитая вокруг шеи, позволила ему лишь обгадить ботинок. – Ничего я тебе не скажу. А код доступа на аноним-карты и на архив флешки ты никогда не подберешь.

– Ну и ладно. Честно говоря, я и не рассчитывал на эти твои бабки. Да и информация на флешке меня не особо возбуждает. А потому перейду к последней части Марлезонского балета.

Я поднес лезвие с паучком к лицу связанного так, чтобы он смог заметить и рассмотреть насекомое. Эффект не заставил себя долго ждать. Как только Васька понял, какое именно членистоногое так уверенно тянет лапки к его носу, в глазах напарника проявился животный ужас в чистом его виде. Сталкер-ветеран за всю свою карьеру много раз сталкивался с последствиями укуса бурого отшельника. И не один раз он сам из жалости пускал пулю в лоб укушенному члену своего отряда, ибо без профессиональной работы обученного хирурга этот человек был попросту обречен. Стоит лишь разок узреть адские мучения пожираемого изнутри человека, чтобы понять, что подобной смерти даже злейшему врагу нельзя желать. А те, кто выживал после укуса и успешно переносил операцию по извлечению личинок, мог потом запросто подрабатывать живым экспонатом анатомического отдела кунсткамеры.

– Убери эту хрень от меня! – Васька извернулся и перекатился пару раз колбаской, пока не уперся в ручеек «студня».

Я приблизился и выложил перед ним несколько заготовленных пакетиков, в одном из которых находилось желейное тело «слизняк».

– Просто скажи, чего тебе надо, гад?! – завопил напарник, понимая, что деваться-то некуда.

– Мне надо тебя покарать, – спокойно ответил я, продолжая приготовления. – Мне нужно, чтобы в последние минуты жизни ты понимал, почему все это с тобой происходит.

Не обращая внимания на дальнейшие вопли обреченного, я достал из одного пакетика заранее распечатанные фотографии бывших Васькиных напарников, которые ушли с ним в ходку, да так и не вернулись. Конечно, не все убитые этим алчным упырем сейчас были молчаливыми свидетелями финала его гнусной жизни. Вокруг своей жертвы я расставил, оперев о камушки, лишь двадцать восемь портретов тех сталкеров, о которых смог разузнать наверняка и чьи фотографии сумел раздобыть в архивах.

Подобный ритуал я готовлю заранее и устраиваю лишь самым желанным, самым испорченным своим клиентам. После этого я зачитываю обвинение и перечисляю преступления, за которые решил приговорить грешника к казни. Я даю клиенту время на осознание,

¹ МКЗП – Международный Контроль Зон Посещения.

² Первый сталкерский закон – в Зоне Три-Восемь неписаное правило, запрещающее всем проводникам под страхом смерти сотрудничать с правительственными спецслужбами любой страны, контролирующими Периметр.

что наказание неминуемо. Я даю время и на то, чтобы он до конца понял и представил, каким ужасным образом сейчас умрет. Именно в тот момент, когда я наблюдаю, как в бессильной злобе бьется очередной негодяй, я ощущаю какое-то странное облегчение, как будто где-то в сердце затухает постоянная ноющая боль. А когда это грешное создание отходит в мир иной, внутри словно тумблер щелкает и на какое-то время меня отпускают приступы кошмаров. Лютый первобытный зверь, насытившись мучениями жертвы, уходит и прячется в темных закоулках души, где спит до следующего раза...

Закончив раскладывать инвентарь по пещере, я вернулся к напарнику и зачитал свое обвинение. За эти короткие минуты многие мои клиенты проходят не более двух стадий принятия неизбежного. Василий же изначально начал и увяз на третьей – стадии торга. Вот только боженькой или какой другой высшей силой для него сейчас был я.

– Послушай, ты только послушай, – Васька сверлил меня взглядом, – на той флешке есть информация о самом Чичероне. Наш британский доктор наук, он сотрудничал с этим преступником. Там есть инфа – где и когда его можно найти. Понимаешь?! Ты понимаешь, сколько это денег?! И они могут быть наши! Могут быть твои! А я – все! Я завяжу с Зоной! Меня здесь больше никогда не будет! Слово даю!

– Знаешь, мне откровенно пофиг...

Я сгреб с земли заготовленную горсть синего атомного риса, запихал в рот напарнику и залепил его губы куском строительного скотча. Наступила долгожданная тишина, нарушаемая лишь тихим побулькиванием студневых ручейков и приглушенным мычанием жертвы. Перевернув Василия лицом вниз, я вспорол ножом его горку в районе лопаток. Туда на оголенную кожу я опустил самку бурого отшельника и слегка придавил ее рукояткой. Напарничек активно задергался, а это означало, что игра на время началась.

– А теперь успокойся, – я перевернул Ваську и заглянул в его налитые кровью глаза, – и слушай очень внимательно. Ибо сейчас узнаешь, какие у тебя остались варианты и шансы. – Я подмигнул напарнику. – Шансы выжить, хоть и мизерные, я даже таким, как ты, даю. Так вот, ты уже должен почувствовать, как мелкие личинки начинают вгрызаться в твою плоть. И эта боль будет лишь нарастать. Место укуса между лопаток, а потому даже не пытайся его вырезать ножом. У тебя не получится. Единственный вариант выжить – это освободиться от пут и стремглав нестись к приграничному полевому госпиталю. перевалочный пункт всего в нескольких часах пути отсюда. А чтобы личинки не нанесли тебе непоправимого физического увечья и не парализовали тело, я засыпал тебе в рот синего атомного риса. Надеюсь, ты помнишь, что глотать его нужно дозированно, ибо регенерация тканей – дело тонкое. Если сожрешь больше четырех зерен за минуту, регенерация станет патологической, и все твои естественные отверстия тут же зарастут. Ты просто задохнешься. Хотя это может быть самой быстрой и гуманной смертью для тебя. Дальше. Твои руки связаны обычной веревкой, разрезать ее ты сможешь, когда доползешь вон к тому краю островка, где я оставил нож. Только ползи остороженько, не мне тебе рассказывать, что будет, если хоть чуточку заденешь «ведьмин студень». А вот с ногами у тебя похуже ситуация. Я надел на них стальные ментовские браслеты. Так что после того, как избавишься от веревки, ты сможешь встать и попытаться перепрыгнуть несколько студневых ручейков, за которыми есть островок с походной плазменной горелкой. Но будь осторожен, там же на островке ползает голодный «слизень». Можешь его отпугивать огнем горелки, но следи за расходом газа в баллоне, топлива может не хватить на резку цепи. А вот когда освободишь и ноги – ты свободен! Беги и прыгай в дальний конец пещеры. Там я припрятал твой рюкзак со всей снарягой и пушками. Конечно, можешь не терять драгоценное время на поиски и сразу бежать в госпиталь, но не факт, что отсутствие снаряги и оружия еще больше не задержит тебя в пути. Само собой, ты можешь вообще ничего не делать и валяться тут, пока не станешь подобен выеденному яйцу. Ну или можешь скатиться в любой ручеек «студня», тогда личинки почувют, что мясо

испортилось, и вылезут наружу. Смерть будет менее болезненной, но более долгой. Но я бы рекомендовал тебе еще побороться за свое право на жизнь. Покажи Зоне, что достоин, заслужи ее внимание! И кто знает, может, она тебе чем-то поможет...

Я развернулся и, перепрыгивая ручейки коллоидного газа, отправился к выходу. И оттуда через щель в породе стал наблюдать за бывшим напарником.

А Василий все же решил побороться и уже шустро катился к блестящему лезвию, оставленному на берегу студневого озерца. Вот только сильно поспешил, дурачок и, когда хватал нож, влез левой рукой в коллоидный газ. Но нужно отдать должное ветерану-сталкеру, при этом он ни капли не растерялся и, как только разрезал веревку, тут же отсек себе все пальцы, на которых уже пошла необратимая реакция. Кусок веревки Василий использовал в качестве жгута и крепко затянул его рукоятью ножа на запястье. Только после этого он сорвал с губ скотч. Жуткий нечеловеческий рев наполнил подземный зал.

Дальше было еще веселее: попрактиковавшись чуток в прыжках со скованными ногами, Васька со всех сил оттолкнулся и удачно перелетел широкий разлив «студня» в том месте, где ручеек раздваивался. Тем самым он сэкономил – сделал на один рискованный прыжок меньше. Вот только приземлился он не особо удачно – упал плашмя, мордой в каменную породу. Сквозь поломанные зубы брызнула красная юшка с ярко-синими вкраплениями атомного риса. Завывая от боли, сталкер встал на колени и неповрежденной рукой сгреб с камней вывалившийся рис с осколками зубов. Запихав всю эту жижу назад в рот, он попрыгал дальше.

А я просто наблюдал за всем этим действием и отчетливо ощущал, как хищная зверюга из темных закоулков моей души жадно насыщается увиденным. Не скажу, что очень приятно смотреть на мучения этого паскудного субъекта (он, конечно, все это заслужил), но у меня просто нет выбора. Имеется у меня одна сильная непреодолимая потребность – потребность глушить боль и видения куда более мерзкие и невыносимые. Если разобраться, я и выхожу в Зону, чтобы хоть как-то забить все эти долбанные озарения. Эти вспышки из прошлого, выедающие меня изнутри и приходящие с неопишуемой болью, на какое-то время уходят, как только я скамливаю своему зверю очередной трофеей...

В дальней части подземного зала мощно гроыхнуло. Все темные уголки подземелья на секунду осветились яркой вспышкой, в которой можно было различить, как во все стороны разлетелись мелкие брызги коллоидного газа. Васька все же отыскал свой рюкзак, да только не обезвредил прижатую им гранату. И с одной стороны, наверное, подло, что я не предупредил о ней и о растяжке на самом выходе из пещеры, но ведь – если честно – я же не собирался отпускать его живым.

Довольный своей работой, я развернулся и потопал прочь, к лагерю. На душе было хорошо – пусто. А единственное, что сейчас вращалось в затухающем водовороте мыслей, – это странное погоняло упомянутого напарником сталкера. Чичероне. Где-то я уже слышал это прозвище...

Голод в райском саду

Вдруг сквозь весь хаос мыслей пробилось стойкое ощущение дежа вю. Мне показалось, что я уже здесь был и все это уже когда-то делал. Я опустил дымящуюся пусковую установку и замер. Но это странное чувство тут же растворилось в очередном всплеске острой, сводящей с ума боли.

Вспышка выстрела осветила мрачный участок подземелья, где заканчивался бетонный короб искусственного тоннеля и начинались естественные пещеры. Железные ворота вместе с постовыми укреплениями были вывернуты чуть ли не наизнанку и походили на безобразный выгоревший цветок. Возле разрушенной конструкции на бетонных плитах растянулись изувеченные тела военных МКЗП. Двое были все еще живы, и один из них сейчас в меня стрелял. Затвор его пистолета дернулся и, отведенный назад, застыл. Это был последний патрон.

Пуля ударила мне в живот, туда же, куда угодили и две предыдущие. Из глаз словно искры сыпанули. Боль сковала сознание, обмотала его колючей проволокой и подвесила где-то сверху над телом. Управление перехватила слепая ярость.

Я рванул вперед и со звериным ревом прыгнул на раненого спецназовца, который разорванными руками пытался сменить магазин. Один взмах малого ампутиционного ножа – и пистолет улетел куда-то в темноту. Брызнул пульсирующий фонтанчик крови. Практически полностью отсеченная кисть военного повисла на недорезанном кусочке мягкой ткани безвольным брелоком. Не останавливаясь, я принялся свежесвать бойца заживо. Это было отвратительно и чуждо даже моей извращенной натуре, но откуда-то возникла железная уверенность, что я просто возвращаю этому человеку всю ту боль, которую он причинил мне.

Вопил военный душераздирающе. Он продолжал орать и захлебываться кровью и после того, как я вскрыл его живот и вывернул кишки наружу. И все это время второй выживший солдат, которого потрепало намного сильнее, лежал и с ужасом наблюдал за всем этим, понимая, что и его ожидает подобная участь. И он не ошибся...

Когда я закончил, на развороченном входе в бункер остались такие же развороченные тела его охранников. Я вышел на свет, под единственную уцелевшую лампу в дырявом плафоне. Тусклый конус рассеянных лучей упал на мое израненное продырявленное тело. Я стоял практически голый, с веером окровавленных хирургических инструментов в руках. Несколько уцелевших лоскутов медицинского халата сползли по липким багровым потокам и упали под ноги. Раны начали затягиваться прямо на глазах, но оставшиеся в теле пули, словно ядовитые жала, источали все больше и больше боли. Их оставалось лишь вырезать. Дрожащие руки стали кромсать скальпелями уже сросшуюся плоть, выковыривая из нее десятки источников этой безумной боли. Мой дикий нарастающий вой хлынул в подземные пустоты...

* * *

В следующий миг я проснулся. Ужас от кровавого сновидения еще несколько минут штормил меня и перепутывал в голове мысли. И эта проклятая адская боль вновь переползла из фантазий в реальный мир. Хотя я лишь для успокоения называл такие свои сны фантазиями, нереальным дерьмом, игрой прохудившегося рассудка. Где-то в глубине души жило понимание, что это были вполне реальные воспоминания из моего «затертого» прошлого. В конце концов, конкретно этот кошмар я видел уже одиннадцатый раз. Ни одна мельчайшая

деталь сновидения не поменялась, как не изменилось и количество переносимой и выносимой из него боли.

Тело все еще выгибалось дугой и билось в конвульсиях, пальцы впивались в ватный матрас, но я, сжав зубы, терпел и молчал. Я знал, что скоро эта пытка закончится. Так происходит всегда. Нужно потерпеть совсем немного – первые после длительного перерыва приступы видений мучают меня фантомными болями считанные минуты.

Наконец меня попустило, мышцы расслабились, тело обмякло. Я шумно втянул ноздрями сырой прохладный воздух. Пахло дешевой ночлежкой. Глаза забегали по сторонам. Так оно и есть. Я лежал на одном из матрасов, разбросанных по полу в небольшой проходной комнатухе с символическими дверцами, как в туалетных кабинках. В противоположном углу лицом к стене посапывал какой-то бродяга. На облезлом потолке горел тусклый диодный светильник. Я приподнялся и медленно переполз в сидячее положение. Только сейчас начали ощущаться пульсирующие удары под черепушкой и отвратительный вкус во рту. Но головная боль была настолько ничтожна в сравнении с той, через которую я только что прошел, что не сразу стало понятно, что меня пытается терзать жесточайшее похмелье.

– И сколько же я вчера выпил? – Руки невольно обхватили нездоровую башку.

– О, проснулся, алконавт?! – Через приоткрытую дверцу соседней комнаты выплянула улыбающаяся мордаха Серенького; старый приятель уже что-то хомячил за обе щеки. – Ну и гульнул ты вчера, дружище. Штук пять зеленых слил. Угощал всех направо-налево. Вон даже пару батончиков на завтрак мне перепало. Будешь? – Он протянул мне кусочек растаявшего обслюнявленного «Сникерса».

– Нет... сyp-па-сиб... – Меня накрыл рвотный рефлекс, я сорвался с места и кинулся в угол к одиноко стоящему унитазу.

– Ну, как хошь. – Не обращая внимания на звуки моей рвоты, Серега затолкал шоколадку в рот и добавил: – Если вдруг не помнишь – вся снаряга осталась в твоём номере, где мы и начали. С собой ты взял вчера только бабки, фонарик да пояс с кольцом и, видимо, успешно все это прое... м-м... проехали.

– Одно меня в тебе поражает... – Я оторвался от белого друга, уткнулся в раковину умывальника и пустил струйку холодной воды на затылок. – Как ты после всех наших пьянок умудряешься быть таким?

– Каким?

– Бодрым. Иногда мне кажется, что ты и не человек вовсе... – Я сделал напор сильнее.

– А кто тогда?

– Ладно, забей. – Я встряхнул головой, разбрызгивая вокруг себя ледяные капли, и принялся растирать мокрыми ладонями лицо. – А знаешь, – продолжил я, – мне опять снился тот сон про пещеры. Я опять через себя все это пропустил, выгреб чайной ложкой весь этот забитый дерьмом клозет. И иногда мне даже кажется, что в один прекрасный момент я не выдержу и пущу себе пулю в висок. Как думаешь, это же лучше – помереть один раз настоящему, чем много раз подыхать вот так?..

– Ты с кем разговариваешь? – раздался хриплый голос из дальнего угла.

Я обернулся. Это спрашивал заспанный бродяга, который ночевал со мной в комнате. А Сереги уже и след простыл. Вот говнюк! Как выпить на шару, так он первый, а как кореша выслушать, так свои дела важнее. Но, несмотря на его идиотскую манеру неожиданно тихо появляться и исчезать, на Серенького я никогда не злился и только с ним делился всем тем дерьмом, которое порой меня накрывало.

– Да так, сам с собой говорил... – ответил я сталкеру, промокнул лицо куском бумажного полотенца и потопал к выходу.

– погоди, куда попер? – кинул вдогонку мужик. – На вот. – В мою сторону со звоном полетел жетон камеры хранения, который я сцапал на лету. – Там внизу твоя пушка и

шмотки. Ты вчера в хлам был, и пацаны просили за тобой присмотреть. Я не знал, где ты обитаешь, и приволок в свою ночлежку. Теперь топай, а я еще посплю. И это, спасибо за вчерашний праздник. Помог ты мне устроить достойную днюху, никогда еще столько людей за мое здравие не пили.

– Всегда пожалуйста! – кивнул я и вышел вон.

М-да, похоже, самую интересную часть вчерашнего вечера я все-таки пропустил. В упор не помню этого кадра и того, о чем он говорил.

Вяло спустившись по ступеням вниз, я вышел в достаточно просторный холл сталкерской ночлежки. Стальная клетка камеры хранения была у выхода. Хмурый бритый охранник забрал мой жетон и вытащил из ячейки с соответствующим номером пластиковый ящик из-под овощей. Там я нашел самоохлаждающуюся баночку пива и свой толстый кожаный ремень, увешанный такими же кожаными разгрузочными кармашками. Кобура с армейским кольцом висела на месте, а вот лямки крепления моего любимого фонарика-дубинки с шокером были вырваны с мясом. Прав был Серенький – просрал я вчера не только бабки. Кстати, о нем...

– Слушай, друг, – обратился я к бритоголовому мужичку, – а Серега, ну, Серенький выходил или еще где-то тут тусит?

– Я что, похож на телефонный справочник? – буркнул тот. – Еще не хватало вас, голодранцев, по именам запоминать...

Ну, в общем-то он прав – это же не люксовая гостиница, где я обитаю, там каждого клиента по имени-отчеству величают и с разгона в зад целуют. А в подобные дешевые притоны сползается исключительно биомусор – неудачники, несостоявшиеся проводники, хреновые или дефективные бойцы всех мастей. И как же меня вчера угораздило попасть в этот спальный район?

Я вышел наружу и осмотрелся. Ночлежка стояла у западной границы «русского сектора» торговой зоны, слева за КПП уже тянулись характерные постройки китайских кварталов. Мне же нужно было направо, в скопление многоэтажек. Я резко провернул донышко пивной банки, последовал характерный хруст ломающихся емкостей с химией. Холод от реакции перемешанных элементов растекся по тонкому металлу. Я немного подождал и поддел пальцем ушко. Зашипел газ, а в горло хлынула живящая влага. Не отрываясь от банки, я высосал половину содержимого и только после этого зашагал по пустым пыльным улочкам.

Раннее утро. Все, кто сегодня собирался в ходку, покинули это место еще на рассвете, а остальные досматривали сны. В торговых рядах были открыты лишь круглосуточные лавочки, где работали хмурые заспанные реализаторы, не принимающие кредитки. Так что вторую баночку пива я смог приобрести лишь в скромной забегаловке, пристроенной к конторе охотников за головами.

Здесь можно было взять заказ на ликвидацию любого бедолаги, за которого кто-то вдруг решил отвалить достаточно крупную сумму. Сама контора была еще закрыта, да и лично я подобной фигней никогда не занимался, а потому появлялся здесь крайне редко. Иногда ради интереса я рассматривал наружную стену объявлений с «топовыми заказами» и интересовался, сколько сегодня стоят человеческие жизни. Вот и сейчас, попивая прохладный напиток, я прошелся вдоль наклеенных рядов фотографий. Мало ли, а вдруг здесь случайно и мою физиономию кто-то повесил.

Глаза бегали по стандартным фоткам с несимпатичными мордами, некоторые из них были прибиты гвоздиком прямо в лоб, а некоторые уже перечеркнуты красным маркером крест-накрест. Прямо под изображениями стояли идентификационные номера заказов и суммы вознаграждений. Ряд ничем не примечательных лиц и таких же неинтересных цифр нарушился крупной выцветшей фотографией. Крупной она была потому, что на ней не помещалась цифра зелененьких, обещанных за голову изображенного человека. К тому же эта

цифра периодически перечеркивалась, а под ней дописывалась новая, измененная в большую сторону. Я улыбнулся и подмигнул знакомой физиономии.

– Привет, Чичероне, что-то тебя совсем не ценят в нашем секторе, всего два с половиной лимона дают. У немцев давно за пятерку перевалило. Ну, это оттого, что сейчас совсем уж обнищала наша отечественная гэбня (так я называю уродов из нашего национального отдела МКЗП).

Я отпил пива и отправился дальше. Неуловимый сталкер, личность которого меня заинтересовала месяц назад, оказался своего рода легендой. Сказки и страшилки про него ходили наравне с анекдотами. Говорят, он в свое время активно вычислял и мочил внедренных в сталкерскую среду агентов МКЗП. Бывало, мочил и чисто научные экспедиции, не связанные с гэбней. Но все это были лишь слухи. Как дела обстояли на самом деле, знал лишь сам Чичероне. Кто-то даже утверждал, что этот странный малый умеет на людей морок напускать. Может, в этих слухах и была доля правды, тогда неудивителен столь сильный интерес спецслужб «развитых стран» к его персоне.

А в том, что заказ на Чичероне выставили именно эмказепешники, сомнений не вызывало. Никто, кроме правительственных организаций, не мог себе позволить настолько большого вознаграждения. В сущности, только им и было интересно извести столь яростного чистильщика и борца с мировой системой контроля Зон Посещения. Возможно, потому никто из наших и не старался искать этого бродягу. Если выяснится, что кто-то из сталкеров сознательно сотрудничает со спецслужбами, линчевания ему не избежать.

Но и на этот случай коварные гэбисты придумали хитрый ход. Совсем недавно у данного заказа появилась новая графа. За живого Чичероне охотникам было обещано пятьдесят лимонов зеленым! Подобная сумма могла заставить даже заслуженного ветерана нарушить первый сталкерский закон. Собственно, Васька, которого я казнил в студневой пещере месяц назад, так и хотел поступить. Но меня этот загадочный субъект интересовал совсем не из-за обещанных за него денег.

Нет, деньги – это, конечно, хорошо. Куда же в этом мире без них? Мои навыки проводника позволили мне накопить за несколько лет значительную сумму на счетах различных банков плюс золото и ценные бумаги в хранилищах. Скажу больше – я очень люблю тратить зелененькие. Но не все в этом мире можно приобрести за бабки. А потому Чичероне мне больше интересен как клиент. Столь разыскиваемый человек просто обязан быть законченным, неисправимым грешником. И я непременно должен вытянуть из него признание и, разумеется, устроить самое изощренное наказание, самую искусную казнь...

* * *

Сталкерские новостройки закончились, дальше тянулись кварталы старого города. Тэджон, некогда считавшийся научно-техническим центром Южной Кореи, теперь стал самым что ни на есть центром сталкерской торговли. От него за долгие годы существования аномальных земель протоптали настоящую магистраль в Тэчхон – столицу морской контрабанды. А уже оттуда частными подлодками и быстроходными катерами через относительно безопасную часть Желтого моря аномальные сельскохозяйственные культуры Зоны Три-Восемь поступали на все черные рынки нашей испорченной планетки.

Вероятно, и до Посещения в Тэджоне былолюдно, но после того, как город отсекали от большого мира высокой стеной Периметра безопасности, жизнь здесь буквально забурлила. Размытая граница Зоны, за которой курсировали области измененного физического пространства, находилась всего в километре-двух от городской черты. И именно в Тэджон стремились многие сталкерские отряды, чтобы после всех пережитых кошмаров спешно

скинуть груз в местные необъятные хранилища и тут же расслабиться, с головой окунувшись в домашний уют и неспешную атмосферу практически безопасной обыденности.

Даже самый простенький южнокорейский городок в сравнении с северокорейским значительно выигрывал по инфраструктуре и уровню комфорта, а Тэджон вообще стал самым настоящим раем, где любой успешный сталкер за деньги мог получить абсолютно все. Даже то, что нельзя достать в большом мире... Кто-то хотел лишь заработать в Зоне бабла и свалить на острова Океании или в какие-нибудь культурные центры цивилизованной Европы, а мне и здесь было хорошо, почти как в райском саду. Да и где, кроме Зоны, можно так легко и безнаказанно насыщать спящее во мне чудовище?

Старые улицы и кварталы патрулировали местные законники, большую часть которых я уже когда-то самолично спаивал элитным алкоголем, а потому хоть один человек из каждого встречного патруля отпускал мне радостное приветствие. Я отвечал доброжелательным кивком и жестами показывал, что сейчас совсем не в состоянии стояния, чем избавлял себя от ненужных разглагольствований на стандартные и приевшиеся темы.

Впереди замаячила многоэтажка с надписью «Lucky Boutique Hotel». Там, под крышей, располагалось мое логово. Эта некогда четырехзвездочная гостиница, с поправкой на ее соседство с Зоной Посещения, теперь считалась люксовым заведением. Совсем не ровня откровенным бомжатням торговой зоны Северной Кореи.

Поприветствовав на входе швейцара со «Страйкером»³ в руках, я потопал напрямик к холодильным витринам, стоящим в холле. В заведении работал принцип «all inclusive», и местным обитателям можно было хапать и тащить в номер все, что здесь было выставлено, даже тех приветливо улыбающихся красавиц, что расположились под кондиционером на кожаных креслах и диванах. Поначалу так я и делал, пока не понял, что проще все это заказывать по телефону непосредственно в номер. Но сейчас был другой случай – совсем не хотелось, чтобы ближайший час меня кто-либо беспокоил, тем более что в номере уже все было. Все, кроме этих прохладных запотевших бутылочек «Швепса». Выудив из холодильника парочку стекляшек, я отправился к лифту. И уже на выходе на свой этаж поймал знакомого пацана, развозящего еду и напитки по номерам, и выхватил с его тележки маленькое ведерко льда с каким-то модным шампанским.

– Дом, милый дом! – Я шагнул в прохладу уютного номера.

Дверь за спиной бесшумно закрылась. Пояс с пушкой грохнулся прямо на пол, по углам разлетелись кроссовки, джинсы, перепачканные бурной гулянкой, и рубашка-ковбойка. Шампанское осталось на журнальном столике у входа. С ведерком льда под мышкой и бутылками тоника в руке я двинул к бару. Здесь я вылил в ведро припасенный заранее джин, туда же спустил и две тары «Швепса». Небрежно разрубив надвое лайм и выжав половинку в нержавеющий сосуд, я понес эту «чашу Грааля» к джакузи.

По пути взгляд упал на обеденный столик, за которым мы с Серегой начинали вчерашнюю гулянку. Пустая бутылка элитного виски так и осталась стоять в окружении двух стаканов. Со стороны моего кресла стаканчик был пуст, а вот напротив Сережкиного стула стоял налитый до краев. За ночь эта хрень наверняка выдохлась. Ну и гад же он! Такой продукт переводит! Конечно, не за свой же счет он его брал. Я махнул рукой и улыбнулся в предвкушении водных процедур.

³ Striker – ружье 12-го калибра с барабанным магазином (Южно-Африканская Республика).

* * *

У самого края ванны имелось углубление, специально заделанное под ведро для льда. Я осторожно опустил туда полную до краев чашу коктейля. Оставалось только выдернуть трубку из неиспользуемого кальяна и воткнуть ее в лед.

– Это ка-а-айф... – Я погрузился в расслабляющие потоки мелких пузырьков и «затянулся» холодным джин-тоником.

И хоть день начался паршиво, погружение в привычный комфорт все с лихвой компенсировало. Я ощутил истинное наслаждение, которое познаешь лишь на фоне серьезного контраста. А значит, ночная гулянка того стоила. Приятный напиток окончательно угомонил похмелье и затуманил сознание, из мыслей ушли все тревоги о предстоящей ходке. Хочешь не хочешь, а нужно опять искать подходящий отряд и выходить в Зону справлять свои неестественные потребности.

Я парил на пузырьках, словно в невесомости, посасывал джин-тоник и рассматривал потолок, разрисованный восточными узорами. Состояние полного расслабления накрыло меня всецело, и в какой-то момент я погрузился в дрему...

* * *

И вновь все вокруг окрасилось багрово-черными тонами. Вновь меня пронзила острая боль. Я бежал по темному подземелью. Босые ноги рассекали острые камни. Все тело словно огнем горело, горело и потрескивало. Липкие капли стекали со лба и заливали глаза. Где-то сзади разлетались крики и громыхали «калаши». За мной уже шли. Рука в запекшейся крови все крепче сжимала детонатор с короткой толстой антенной. Рано, еще слишком рано! Слева просвистела и ударила в каменную колонну пуля. Мне в лицо сыпанул град мелких осколков. Сейчас или никогда! Палец вдавил рычажок до упора. Земля под ногами и стены пещеры качнулись, в ушах зазвенело. Вместе с ударной волной из обваливающегося бункера вырвался и поток раздробленной взрывом породы. Он подхватил меня, словно пушинку, и понес за собой. В тело впились сотни каменных ножей, булыжники месили меня со всех сторон. Я ощущал, как лопаются кожа, как хрустят кости. Мне открылись новые горизонты боли, за которыми не было ничего, кроме безумия...

* * *

В ту же секунду я пружиной выскочил из джакузи и грохнулся на плиточный пол, где бился в корчах бесконечно долгую минуту. А когда боль начала угасать, я невольно осмотрел и ощупал свое тело в страхе, что сейчас обнаружу те ужасные раны, которые видел во сне. Проскочила идиотская мысль, что если из снов в реальность каким-то образом переходит эта чертова боль, то и полученные там увечья могут так же переползти сюда.

– Не-е, так нельзя! – Я встал на ноги и растерянно уставился в потолок, словно надеялся, что кто-то на небесах услышит меня. – Нельзя меня так сразу! Два подряд видения! Вы что, шутите?! А как же трехдневный перерыв между этой говнотерапией?!

Я стоял и возмущался, а в сознании уже начала созревать одна мыслишка. Нужно срочно искать хоть какого-нибудь грешника, хоть совсем маленького. Нужно найти и скоротить его этой твари...

Наспех обтеревшись полотенцами, я распаковал снарягу и принялся натягивать на себя «Горку». Молниеносно, как в армии, зашнуровал берцы, застегнул пояс с кармашками, при-

мастырил на бедро платформу с быстрой кобурой, накинул на себя разгрузочную систему с полным фаршем, не забыл захватить парочку своих особых «примочек», закинул за спину уже собранный малый штурмовой рюкзак, схватил АКМ и выскочил в коридор. А дальше, не дожидаясь лифта, бегом по лестнице вниз.

Сердце прыгало в груди, разум отчаянно перебирал варианты дальнейших действий. И физическая нагрузка пошла на пользу. Быстрый спуск по ступенькам дал отрезвляющий эффект, я стал как вкопанный, но только когда выскочил на улицу. Швейцар за спиной вежливо поинтересовался, надолго ли я ухожу в ходку, и будут ли какие-то особенные пожелания по возвращении. Я мотнул головой, мол, нет, ответив сразу на оба вопроса, а сам вяло потопал по улочкам куда глаза глядят.

Ну, какая, в задницу, ходка?! Смысл мне самому в Зону лезть? А вот так, с бухты-баряхты, где сейчас отряд найти? Да и какой отряд, сегодня-завтра идущий на дело, возьмет к себе стремного незнакомца, резко решившего к кому-то прибиться? Все это будет выглядеть подозрительно, а чье-либо подозрение в ходке, в которой я собираюсь повернуть парочку казней, мне совсем не надо. Я всегда был предельно осторожным, заметал все следы и ни разу за все эти годы не выдал себя. И сейчас не было никакого смысла рисковать, даже если следующей ночью придется вновь пройти через ад.

Я бродил и думал, что же мне делать дальше. Любые относительно правильные и безопасные варианты позволяли мне выйти в Зону с достаточно большим отрядом лишь через пару-тройку дней. И уже отчаявшись и смирившись с неизбежной пыткой болью, я присел на бордюр в каком-то замусоренном переулке. Руки как-то сами по себе достали флягу с ромом и отвинтили крышечку. Приятный запах прикоснулся к носу, но пить совсем не хотелось. Я скривился и вылил немного пойла на пыльное дорожное покрытие.

– Эй, друг, – прохрипел кто-то рядом, – зачем переводишь? Лучше угости старого заслуженного сталкера.

Я повернул голову: в коробке рядом с мусорными баками какого-то заведения сидел самый настоящий сталкерский бомж. Промелькнула очередная нехорошая мыслишка. Я дружески улыбнулся и протянул флягу оборванцу. И довольный бродяга тут же присосался к ней. Алкоголь, принятый на голодный желудок, превратил нелюдимого старикашку в открытого душевного собеседника. Что в принципе мне и надо было. Неспешно отпуская шуточки, я болтал с ним, постоянно направляя беседу в нужное русло. И дед как на духу выдал мне, кто он и что он, когда и зачем отправился в Зону Три-Восемь и как докатился до сегодняшнего плачевного состояния.

Дедуля оказался самым обыкновенным неудачником. Причем неудачником по жизни. И единственный его грех, попавший в мой личный список смертных грехов, заключался в том, что бродяга прожигал свою жизнь абсолютно впустую. Вообще-то он ее уже практически полностью спустил в унитаз. Но на безрыбье и...

Я встал, делая вид, что мне пора уходить, а сам осмотрелся по сторонам. Рядом никого не было.

– Спасибо, сынок, – старичок добродушно улыбнулся и вернул мне пустую флягу, – тебя, видимо, сам Бог мне послал, чтобы хоть чем-то скрасить мою житуху.

– Нет, батя, – я сделал вид, что прячу флягу, а сам вытащил из футляра за спиной тонкую швайку, – совсем не Бог.

Быстрый точный удар прямо в сердце, и резкое движение, обломавшее рукоять однолезового ножа. Дед так и застыл с открытым от удивления ртом. В его глазах сначала читалось непонимание происходящего, а потом проявилось нежелание признавать, что это конец. Затем секунды вспышек молчаливого гнева, пауза и медленно наползающая пустота. Я придержал бомжа и осторожно опустил на землю рядом с его коробкой, прислонив к стене заведения.

Все было сработано чисто: ни свидетелей, ни каких-либо улик, указывающих на меня, не осталось. Я быстрым шагом устремился в лабиринты здешних кварталов, где скинул в утилизатор деревянную ручку швайки и окончательно запутал следы на тот случай, если какой-то идиот решит использовать собак. Хотя какие собаки? Ради чего или кого?

* * *

Где-то внутри облизнулся довольный чавкающий зверь, поглотивший очередную грешную душу. Теперь у меня была небольшая отсрочка для поиска настоящего закоренелого грешника, смерть которого надолго насытит терзающее меня животное.

Вдруг на предплечье в тактическом чехле завибрировал наладонник, который всю прошлую ночь пролежал в номере отеля. Я достал гаджет, глянул на него и присвистнул – двенадцать пропущенных звонков и восемь сообщений от Паскаля! Еще ни разу мой знакомый мастер не был столь настырным. Видать, случилось что-то из ряда вон выходящее. Может, ему удалось взломать и расшифровать данные на той самой флешке! Так давно пора – целый месяц прошел с того дня, как я принес ему эту хрень.

Подарок судьбы

– Слушай, я же тебя никогда ни о чем не просил! – Паскаль впился в меня молящим взглядом. – Ну что тебе стоит?

– Как это что?! Я проводник, а не нянька! – Мои стальные нервы уже начали сдавать. – И времени у меня сейчас ну совсем в обрез! Что же мне, вот так все бросить и с твоим родственничком нянчиться?!

– Ну почему нянчиться? – продолжал скулить мастер. – Он уже имеет какой-никакой опыт. Три месяца по северокорейской Зоне отходил...

– Твою ж душу! – психанул я. – Ты хоть сам понял, что сказал?! Северокорейская Зона и южнокорейская имеют общего, как фрукт и овощ! У нас здесь все иначе! Твоему родичу придется переучиваться чуть ли не с нуля!..

Паскаль уже битый час выносил мне мозг. Он знал, что после стольких лет плодотворного сотрудничества отказать ему будет не просто. И я бы подписался, оказал бы ему услугу, если бы мне самому так срочно не нужно было в Зону. А тащить с собой на дело хвостик, который будет следовать по пятам и совать свой нос во все мои мутные движения, – это минимум глупо. Но и внятно объяснить старому мастеру причину отказа у меня не получилось. Не говорить же ему правду!

А история оказалась незамысловатой. На неделе к нему вдруг завалился какой-то двоюродный брат – разгильдяй редкостный. И повис на его шее зонным клещом. Паскаль по доброте душевной не способен выгнать родственника, а тот живет в его мастерской, туда же своих собутыльников водит. Работать нормально не дает, бабки постоянно сосет и ноет, мол, пристрой меня в какой-то хороший отряд, чтобы сразу приличная денежка на карман капнула. А кто же его такого зеленого с собой потащит, да еще и за деньги?! Как правило, новички у нас за одну еду и опыт по несколько месяцев вкалывают, пока им кто-то начнет хоть десять процентов из дохода проводника выделять.

Вот и просит меня Паскаль этого нахлебника с собой в Зону взять. Даже денег готов отстегнуть, чтобы я их ему же и заплатил, только бы увести этого горе-сородича подальше, а по возможности еще и куда-то надолго пристроить. Так что задачка в сиюминутных реалиях для меня оказалась неподъемной.

– Ну, пойми ты наконец, – я придумал еще один аргумент и попытался спокойно донести его, – был бы он каким-то левым пацаном, которого не особо жалко, я бы и не парился. А вот так повести на убой в Зону родственника моего старого приятеля я не могу. Я же не проводник с зеленым рейтингом, в моем отряде постоянно кто-то помирает. Ну вот не усмотрю я за твоим брательником, и влезет он в какое-нибудь дерьмо. Что дальше? Если от него хоть что-то останется, принесу тебе все это в походном котелке. И как я тебе потом в глаза смотреть буду?

– Да нормально будешь! Я же не прошу у тебя каких-то железных гарантий. – Паскаль перекинулся и тихо добавил: – Я иногда, грешным делом, на то и сам надеюсь, что сгинет мой Ленька в Зоне и уйдет из моей жизни уже навсегда. Знаешь, сколько десятилетий он сосал из меня и из наших матерей кровь? Думал, здесь, в Зоне, отдохну, думал, вот в Зону-то он точно за мной не полезет. Как же! И тут меня достал, и тут жизни не дает.

– М-да, странно, – я почесал маковку, – зачем ему спокойную стабильную жизнь за Периметром менять на каждодневные опасности и смутные перспективы Зоны Три-Восемь? Чего ему в большом мире-то не жилось? И какого черта он к тебе приперся, чего в северокорейской Зоне не прижился? Ведь там рай для подобных разгильдяев.

– Ну, это не та тема, о которой стоит распространяться. – Мастер потупил взор и как-то неохотно выдавил из себя: – Он в Зоне от ментов прячется. Не в ладах Ленька с законом. Так

мало того, этот идиот и в северокорейской Зоне успел начудить! Теперь и там его местные законники ищут.

– А хоть за что ищут? – Во мне начал зарождаться странный двоякий интерес. – Ты что, мне в отряд закоренелого уголовника пытаешься всунуть?

– Да нет же! – Паскаль заметно нервничал. – Для тебя он совсем не опасен. А сор из дома как-то не хотелось выносить. Мне совсем не нужно, чтобы пятно его позора и на меня упало. Не хочу, чтобы люди за спиной перешептывались, мол, вон идет брательник педофила-насильника...

– Ух, ё...

Я надел на лицо маску отвращения, но в душе растянулась «чеширская улыбочка». В моем списке это был смертный грех из топовой двадцатки, то есть заслуживающий особой процедуры наказания. А значит, сама судьба мне подгоняет долгожданного клиента. Надо брать...

– Ну, хочешь, я тебе в довесок еще и бесплатно твой заказ забацаю? – отгрузил мастер последний весомый довод.

– А сможешь забацать-то? – Я скептически глянул на него. – Вон уже месяц ковыряешься.

– Ну а что ты хотел? – Паскаль натянул на лицо хорошо знакомую мне маску набивания цены. – Пароль взломать – это ерунда, а вот данные раскодировать... Их же не тупые вояки шифровали, а как-никак доктор наук! Хотя, – мастер лукаво улыбнулся, – я уже кое-что смог извлечь.

– И что там? – Внутри так и запенилось любопытство. – Отчеты о научных экспедициях?

– Не совсем, – мастер поставил на стойку напротив приемного окошка свой лэптоп и вывел на экран дикий винегрет из всевозможных символов, – вся текстовая информация дополнительно зашифрована, к ней нужен ключ. А вот часть данных, состоящих исключительно из цифр, не шифровалась и хранилась сплошняком в одной строке. Я эту строку отсек, обработал – и вуаля! Имеем целую жменю геоданных, которые прохавает любой GPS-навигатор!

– Ну-ка, ну-ка... – Я придвинул лэптоп поближе к себе. – Это уже кое-что!

– Дай сюда! – Паскаль нервно вырвал из моих рук свое бесценное хранилище информации. – Ты тут все равно ничего не поймешь. Давай лучше свой наладонник, я тебе туда и файл скину, и прошивку обновлю, и приложений свежих накидаю... На шару накидаю. Ты только помоги мне с этим моим...

– Договорились! – Я протянул ему свой гаджет, еле сдерживая писк восторга.

Судьба мне явно улыбалась. Кроме того, что больше не нужно было искать какой-то левый отряд и вычислять в его рядах закоренелых грешников, мне еще и по деньгам вышла неплохая выгода. Все, что сталкер сэкономил, также является его чистым доходом. А только что получилось сэкономить не меньше двадцати пяти тысяч зелененьких за расшифровку данных и прочие услуги мастера. Осталось только убедиться, что брательник Паскаля действительно порочный человек, и можно выходить в Зону. После, конечно, придется несколько месяцев перекантоваться в каких-то других убежищах, подальше от Тэджона. Ну а когда вновь увижу старого мастера, думаю, он проглотит любую выдуманную мной историю. Паскаль поверит даже в то, что его непутевый братик примкнул к адептам нового чучхе и отправился с ними за «грозовой фронт» аномальные культуры возвращать... Хм, а чем не рабочая версия?

– На, готово, – старый приятель просунул через окошко наладонник, – на свежей прошивке работать будет быстрее. Все новые фишки с мануалом идут, так что, думаю, сам разберешься.

– Отличненько, – я принял гаджет и поковырялся в менюшках, – а где здесь этот файллик с координатами? Ага, вижу. Ну-ка посмотрим...

Я развернулся и неспешно потопал к выходу из мастерской.

– Так что, мы договорились? – кинул Паскаль вслед.

– Сказал же, что да, – я обернулся на пороге, – присылай-ка своего брата в заведение Аллочки, но только через полчаса. Мне сначала нужно материал изучить. Если все срастется, отменю остальные свои дела, и двинем с твоим Ленькой в свою собственную ходку по этим координатам. Пользы как от напарника от твоего родственничка не будет, а вот как от вьючного животного – даже очень. Поташит на себе все наши запасы и дополнительную снарягу.

– Так, может, он к тебе сразу со всеми своими вещами и подтянется?

– Да, пусть захватит, что там у него есть, – кивнул я и шагнул за порог, – остальное докупим вечерком и, возможно, завтра утром уйдем.

– Спасибо, Бурый! – крикнул Паскаль вдогонку, и тут же из динамиков его мастерской завопил Джеймс Браун своим бессмертным хитом «I Got You».

Я лишь улыбнулся, покачал головой и отправился вниз по улице. Мой старый приятель даже не подозревал, насколько радикально я собираюсь решить его проблему. Навсегда решить.

Тут я в уме поставил себе галочку – обязательно нужно придумать для Паскаля очень красивую и правдоподобную историю. Пусть думает, что его брат где-то там, в Зоне, жив и счастлив, что наконец нашел себя... Лишь бы потом кто-то другой реально не нашел его, а точнее, то, что от него останется.

* * *

Заведение «У Аллочки» отличалось от многих подобных ресторанчиков приятной атмосферой, наличием стриптиз-подиума, большим числом частных кабинок, изысканным меню и отличным ассортиментом напитков. Здесь легко можно было уединиться с любой симпатичной официанткой или танцовщицей и хорошенько дать жару. Но сегодня выбор пал на это место по ряду других причин.

Сейчас здесь было достаточнолюдно, не так, конечно, как под вечер, но мелкие компании по два-три человека уже занимали третью часть общего зала. Я расположился за столиком у стены, откуда просматривался вход, и подал условный знак бармену. Знакомая длинноногая официантка Анжела принесла заказанный энергетик и, сексуально щелкнув языком, повияля бедрами назад к барной стойке. А я откинулся на мягкую спинку стула и принялся изучать раскодированные мастером данные.

Это были одни сухие координаты, россыпь точек на карте Зоны. В тех местах могло находиться что угодно, начиная с какой-либо стационарной аномалии, чем-то заинтересовавшей «академика», и заканчивая тайниками с припасами и ценным научным оборудованием. Разумеется, среди всех этих меток на карте были и те, что обозначали места встреч с самим Чичероне или месседж-схроны, через которые наш заслуженный доктор общался с этим кадром. Но без текстовых комментариев, расшифровать которые Паскаль вряд ли способен, невозможно узнать, какие именно метки на сие указывают и в какое конкретно время можно пересечься с интересующим меня сталкером. Поэтому прежде нужно было хорошенько подумать, изучить объекты, находящиеся по указанным координатам, и проанализировать кучу сопутствующей информации. А с другой стороны, можно забить на все и действовать на авось. Хотя лучше, конечно, найти золотую середину между двумя этими методами. Чем я и занялся в оставшееся до встречи время.

Выбрав по разным соображениям ряд перспективных точек, я соединил их линией маршрута. Получилась извилистая тропка, петляющая почти до самого «грозового фронта»

и назад. Я почесал затылок, такой путь способен осилить лишь хорошо оснащенный отряд, а мой тандем с будущей жертвой даже на автономную сталкерскую группку не тянет. В конце концов я решил не спешить и составил небольшой ознакомительный маршрут, который где-то на своем экваторе проходил через родной сталкерский приют, размещенный в одной из мертвых зон аномальной реальности.

Много раз меня выручало это место, расположенное на пяточке земли, где еще никогда за всю историю существования Зоны Три-Восемь не возникло ни одной зоны ИФП. Это был настоящий оазис посреди смертельных опасностей, и сейчас его контролировало серое сталкерское братство, то есть такие же вольные бродяги, как и я. Там, хоть и втриморога, можно было пополнить припасы и какое-то время отдохнуть от всех прелестей Зоны Посещения. И в этот приют я рассчитывал прийти уже сам, без хвостика...

* * *

На пороге заведения появился смуглолицый жилистый мужичок лет сорока пяти. Скромный цифровой камуфляж, разгрузка в оливе, старый потертый бундесовский рюкзак, «калаш» и кепка в расцветке флектарн. По сталкерским меркам – обычный бомжующий боец, слепленный из обносков, которые под руку попались. Такие малоимущие клиенты сюда редко заглядывают. Я глянул на часы, прошло ровно полчаса. Это наверняка был брат Паскаля. Пунктуальный засранец. Я не стал спешить и звать его, решил немного понаблюдать.

Скинув в хранилище на входе старенький «калаш» и рюкзак, мужичок отправился к барной стойке. Снующие вокруг длинноногие официантки не особо притягивали его взгляд, даже показалось, что их стандартные заигрывания с потенциальным клиентом чем-то нервировали этого типа. Был он какой-то дерганый. Может быть, нервничал перед встречей, а может, понимал, что на таких дам у него наличности не хватит. Но скорее всего, здешние «зрелые персики» не пришлись по вкусу нашему «гурману».

Пофлиртовав с ним немного и поняв, что клиент бесперспективен, Анжела искривила губки и кивком указала на мой столик. Бродяга нашел меня взглядом, кивнул даме в благодарность за предоставленную информацию и направился напрямиком к моему столику.

– Добрый день, это ты, что ли, Бурый?

– Что ли – да. – Я не подал виду, что несколько оторопел от такой фамильярности. Не был я настолько младше, чтобы вот так мне сразу тыкать.

– Я Леонид, меня прислал Паскаль, мой брат...

– Да я понял. Не стой, присаживайся. – Я указал на стул и добавил: – Что-то будешь?

– Я сейчас на мели, но если угостишь чем, не откажусь.

– И что обычно пьет брат моего старого товарища?

– Все равно, на твой выбор.

На мой выбор, значит? Я погладил бороду, в голове возникла коварная идея. Ну ладно, говнюк...

– Анжел! – Я маякнул любимой официантке. – Еще один «Non Stop», графинчик чачи и сковородочку мяса!

Анжела кивнула и потопала на кухню. А я про себя ехидно хихикнул, ибо выбрал сей напиток исключительно потому, что на неделе в заведение завезли неимоверно отвратительную чачу. Хозяйка сразу предупредила всех постоянных клиентов и намекнула, мол, если есть желание изящно выразить кому-то свое презрение, то угостите его этой бодягой. Ведь куда-то же ее нужно слить...

– Никогда в жизни не пил чачу, – нарушил неловкое молчание Леонид.

– Напиток настоящего гурмана, – я многозначительно поднял палец вверх, – сам Сталин называл чачу лучшей из всех видов водки. Если ты ценитель необычных напитков, тебе она обязательно понравится.

– Так, а что там по делу?

– А по делу все просто. Завтра утром уходим в Зону по готовому маршруту. Ходка максимум недельная. Задача – обнаружить по указанным координатам тайники научных экспедиций и выпотрошить оттуда все ценное.

– Хех, – будущий напарник довольно потер руки, – люблю такие задания. Мы с братвой так вот и ходили по наводкам и перспективным местам. Много чего хорошего тогда находили. И все довольны были, пока в одной нычке артефакт инопланетный не надыбали.

– И, конечно, не смогли его поделить? – Я кривенько улыбнулся. – Поссорились, пострелялись?

– А что я? – Леонид нахмурился. – Вещица пятьдесят штук стоила, а они мне хотели только штуку из этого выделить, гады. Это было нечестно. Вот я их и... перехитрил.

– За это тебя по ту сторону разлома местные законники ищут? – поинтересовался я.

– Ну, накосячил. А с кем не бывает? Еще и пришлось за полцены вещичку скидывать. А контрабандисты, суки, так вообще меня кинули. Говорили, что на Тайвань плывут, а сами отобрали бабки и сбросили в море возле Тэчхона. И если бы не братик...

– Надеюсь, у нас тобой подобных непоняток не возникнет?

– А давай честно договариваться и никаких непоняток не будет! – уверенно выдал Леня. – Партнеры должны честно все делить, пополам.

Внутри так и забурлило. Ни хрена себе, это чмо мне еще условия будет ставить! Мало того что возьми его необученного с собой, мало того что веди его по своим местам, так еще и пополам с ним доход дели! Теперь я до конца прочувствовал, какие «братские» чувства испытывал к нему Паскаль. И будь это какой-то другой бродяга, я бы рассмеялся ему в лицо и послал радикально далеко. Но передо мной сидел уже не потенциальный, а самый реальный клиент. Ибо рассказанная им история уже выявила парочку смертных грешков из моего списка. Осталось разузнать некоторые детали. А потому я невозмутимо продолжил:

– Понимаешь, Леня, ты хочешь шкуру неубитого медведя поделить. – Я опрокинул в себя остатки энергетика и скомкал банку. – А предположим, что мы с тобой неделю по Зоне слонялись впустую? Предположим, что ничего не нашли? Что тогда?

– Ну, мой братик сразу сказал, что ты мне за ходку пару штук можешь отвалить...

– Ага, значит, ты хочешь, чтобы я тебе и деньги заплатил, и найденные ништяки пополам разделил?

– Ну, можно не пополам. Я согласен на тридцать пять процентов.

– Тридцать пять, значит, – я тихонечко офигевал от наглости этого типа, – а припасы ты себе сам купишь? У тебя есть хоть какие-то деньги?

– Я могу у братика одолжить, – неуверенно промычал он.

– И новый автомат он тебе купит, и патроны? – продолжил я.

– А что не так с моим автоматом?

– У тебя же семьдесят четвертый «калаш» пять сорок пять? Я прав?

– И?..

– Напарник с такой пушкой, Леня, – я покачал головой, – мне не нужен. Минимум сотая серия и только семь шестьдесят два. А еще лучше с подствольным гранатометом.

– Ну, это слишком жирно для меня, – насупился клиент.

– Вот про это я и говорю. Мне нужно будет покупать на нас двоих припасы, тебе – оружие, дополнительную снарягу. Мне же нужно будет вести тебя и, по просьбе Паскаля, учить всем премудростям хождения по южнокорейской Зоне. Так что есть лишь два варианта. Либо я тебе даю в конце похода обещанные две штуки, либо... – я все же решил подраз-

нить засранца бесплатным сыром, ему же в любом случае ничего не светит, – так и быть, делим все найденное пополам, но других денег ты не увидишь.

– Хорошо, – кивнул Ленька и протянул мне руку, – делим все найденное пополам, а снарягу с пушкой, которые ты мне купишь, я оставляю себе!

– Договорились, – со скрипом в душе я заставил себя пожать ему руку, – теперь за это и выпьем.

К нашему столику как раз подошла Анжела и принесла мой заказ. Будущий напарник сглотнул слюну и голодными глазами уставился на еще скворчащее в широкой пиале мясо. Запах от него шел одуряющий. Мне самому безумно захотелось накатить грамм сто и почавкать эту сочную прелесть.

– Тогда я наливаю? – Леонид потер руки и схватился за графин. – У меня рука легкая!

– Наливай только себе, – я взял свой стакан и заполнил его энергетиком, – я вчера перебрал конкретно и с утра успел подлечиться. Больше нельзя. Сегодня ж еще за покупками.

– Ну, как знаешь. – Мой собеседник довольным взглядом оценил объем пойла и удовлетворенно кивнул, – мне больше достанется.

Это нужно было видеть, а лучше снять на камеру и выложить в местную сеть для хохмы. Поначалу мерзкий вкус паленой чачи вызвал в глазах Леньки искреннее недоумение. Но мой последующий вопрос, мол, правда, классная штука, заставил его со знанием дела прополоскать этой гадостью рот в поисках несуществующего «букета» и утвердительно кивнуть. Еще некоторое время Ленька пытался смаковать отвратное пойло, но потом принялся его глушить залпом и не кривясь. Видимо, этот товарищ за свою жизнь еще и не такое говно успел отведать.

И где-то после двух третей графина и половины сковородки мяса у нас началась практически дружеская беседа. Я неторопливо расспрашивал Леонида о жизни в большом мире, подмечал детали, анализировал его слова и все больше убеждался, что с головой у него не все в порядке. Но вытянуть из него какие-либо признания не получалось. Я уже было прекратил свои попытки выйти на интересующую меня тему, как на пороге заведения появилась личность, которую я и рассчитывал здесь увидеть.

В общий зал вихрем влетела Светка. На вид это была хрупкая худощавая девчушка лет четырнадцати. Но внешность ее была крайне обманчива. Среди обычных рядовых бродяг ее мало кто знал, но вся сталкерская элита по-настоящему уважала лихую девицу. Она занимала высшие позиции рейтинга проводников уже больше шести лет.

Я коротко свистнул и призывно помахал ей. Светик приветливо улыбнулась и подошла к нам.

– Привет, солнце, – я встал со стула, – присядешь с нами, выпьешь?

Мое предложение заметно встревожило Леонида, его глаза забегали, как тараканы на кухне. Клиент уже был в такой кондиции, что сдерживать свои душевные порывы ему было крайне трудно. Я продолжил разговор со своей приятельницей, но все это время внимательно следил за поведением будущего напарника.

– Спасибо, Бурый, – пропищала Светик своим детским голоском, – но у меня здесь встреча назначена. – Она кивнула в сторону стола, за которым засели дядьки в строгих официальных костюмах.

– С очкариками договариваешься? Опять этих тюленей в Зону поведешь?

– А что делать, Бурый? Только они и способны своими приборами засечь хроноаномалии, а потом среди них найти нужную.

– Но они же никогда не дадут стопроцентной гарантии. Эти «академики» тебя просто поймут в качестве лабораторной крысы, а потом руками разведут.

– А у меня есть выбор?

– К моему великому сожалению... – Я отрицательно покачал головой и кивнул в сторону ученой братии. – Тогда удачи тебе, солнце.

– И тебе тоже, Бурый. – Светик развернулась и потопала прочь.

И весь этот недолгий разговор косой взгляд Леонида не отрывался от маленькой сталкерши. Он откровенно пускал слюни на прелести юного тела.

– Прикольная попка...

Я подмигнул напарнику, проследив за его взглядом, чем крайне смутил его.

– Чего ты так задергался? – Я улыбнулся. – Она не ребенок. Знаешь сколько ей лет? Тридцать пять недавно стукнуло.

– Не гони! – Ленька округлил глаза.

– Так и есть, – я кивнул, – это матерая сталкерша. Любому проводнику фору даст. А таких сопляков, как мы, – с десяток уложит.

– Но как?..

– А вот так. Попала она лет десять назад в одну хитрую хроноаномалию. И теперь, вместо того чтобы стареть, наоборот, молодеет. Вот и помолодела до такого состояния. Ну и, пока еще ходить не разучилась и автомат может в руках держать, пытается найти хроноаномалию с обратным эффектом. Но боюсь, что у нее это не выйдет и лет через четырнадцать – пятнадцать превратится она в маленькую белковую лужицу.

– Это труба...

– Но зато прикольно с ней сексом заниматься, – я решил подыграть Леньке, – такая себе ролевая игра получается – «перепихон с несовершеннолетней».

– А что, с ней можно того?..

– А чего нет? Психологически она же нормальная женщина. Ей тоже нужно. Но она, – я многозначительно улыбнулся, – в постели настоящая акула.

– Ясно, – подогретый выпивкой Ленька неожиданно разоткровенничался, – а мне больше нравятся как бы пассивные бабы. Нравится, когда сам доминируешь, когда напирал, а они такие все стеснительные, чистые и наивные.

– Ну, друг, тогда тебе надо в Мексику или Аргентину. – Я решил удержать разговор в нужном русле. – Там возраст сексуального согласия двенадцать – тринадцать лет. Там будут тебе и стеснительные, и наивные...

Мои слова задели Леонида, он принялся рассуждать на эту тему со знанием дела. И хоть прямо он не выдал себя, но мне уже стало ясно, что этот тип психически не здоров. Я кивал, соглашаясь с его словами, пытался что-то ляпнуть в тему для поддержания разговора и тем все больше и больше втирался в доверие к будущему напарнику. А сам уже включил воображение и выбирал самый изощренный способ казни этого большого ублюдка.

Решено – очередной ходке быть...

Нагуливая аппетит

Утро выдалось прохладным. Сезон туманов был на исходе, а потому белесая завеса по всей Зоне Три-Восемь с каждым днем становилась все жиже. С одной стороны, это значительно уменьшало количество засад разного рода голодранцев, не брезгующих разбоем. Но и скрытно передвигаться теперь было намного сложнее. А именно скрытность для сталкеров-одиночек или малочисленных отрядов – одна из лучших гарантий их безопасности. Разумеется, от мутантов и зон измененного физического пространства никуда не скроешься, но вот от любителей легкой наживы, сбивающихся в стайки, очень даже.

– Смотри во-он туда, – я указал Леониду на туман у нас над головами, – прямо по курсу и немного вверх. В это время года туман твой самый лучший друг, он «подсвечивает» зоны ИФП. Сгорающие, разлетающиеся или меняющие свою структуру микрокапельки иногда даже форму аномальной кляксы вырисовывают. Вон там, на одиннадцать часов, видишь, дымка в густую сферу собирается? Это «гравитон», и, судя по плотности тумана в нем, он не смертелен. Но попадать под него не советовал бы – острые ощущения гарантированы. И еще важная деталь. В северокорейской части Зоны большинство аномалий выходят из-под земли, здесь же они, описав дугу вокруг разлома, опускаются нам на головы и вновь уходят под землю. Поэтому внимание местных проводников всегда приковано к небу, а точнее, к смерти, спускающейся оттуда.

– Так вот для чего ты эту хрень на меня повесил? – буркнул напарник, подергав за капроновую веревочку, на которой в трех метрах над ним болтался надутый гелием презерватив. – А я уж было подумал, что это такой уничижительный ритуал для новичков.

– По сути, так и есть, – кивнул я. – Только новички во время переходов эти «воздушные шарики» на себе и таскают. А опытные бродяги клювом не щелкают и могут засечь приближающуюся опасность без этого средства, а потому устанавливают «дирижабли» лишь в местах ночевки. Надеюсь, понятно, как это все работает? – Я сделал небольшую паузу, а после на всякий случай озвучил правильный ответ: – Когда надувашка попадает в любую агрессивную среду, она громко лопается, тем самым оповещая тебя, что это место скоро накроет большая аномальная задница. Стало быть, нужно срочно сваливать.

– Ну, хорошо, а зачем для этого использовать презервативы? – Леонид угрюмо глянул на экзотическую «усатую» хрень, парящую над головой.

– А потому, что они не лопаются сами по себе, как китайские шарики, и намного дешевле, чем сталкерские аэрозонды. Среднестатистический новичок за дневной переход слишком много этого добра расходует, никаких бабок не хватит на спецоборудование. К слову сказать, в южнокорейской Зоне новичков так и называют – «штопаные га...». Это потому, что им вечно не хватает на ходку запасов резинок, вот и «штопают» уже лопнутые. Кстати, тебе как будущему сталкеру нужно хорошее погоняло. – Я решил подколоть напарника. – Как тебе нравится Штопаный?

Ленька скривился и еще раз подергал за веревочку с надутым презервативом.

– А не лучше ли для этого использовать универсальный датчик аномалий?

– Нет, не лучше. Эти приборы экспериментальные и способны засечь лишь малую часть зон ИФП, причем на очень небольшом расстоянии – метр-два. Они расслабляют ходока и дают ложное ощущение защищенности. Сам же знаешь, что в Зоне Три-Восемь большинство аномальных клякс не стоят на месте, а перемещаются с приличной скоростью. Так что зачастую, когда эти приборы срабатывают, поздняк метаться, считай, что ты уже труп. И коль уж заговорил о детекторах, могу показать одну интересную штуку. – Я нашел взглядом ствол старого сгнившего дерева и призывно махнул. – Топай за мной, поделюсь премудростью. Только след в след топай.

– Да понял уже, – насупился Ленька, – не ребенок. Повторять десятый раз не надо.
– Надо и буду! – Чтобы завоевать доверие будущей жертвы, я сейчас играл роль заботливого папы. – Пусть мои слова тебе в подкорку вгрызутся. Я отвечаю за тебя, так что будешь терпеть все мои наставления и мотать на ус.

Напарник молча кивнул и последовал за мной.

* * *

Крупный ствол сосны оказался не таким уж и гнилым, как выглядел издалека. Срубленная аномальным воздействием верхушка поблизости не наблюдалась. Видимо, агрессивность воздействия была столь велика, что большая часть дерева просто испарилась. А остатки ствола уже успели побить насекомые, от чего кора местами вспухла и отслоилась от поеденной сердцевины. Собственно, эти мелкие вредители, именуемые светлячками из-за своей радиоактивности, нам и были нужны.

– Один странный нелюдимый бродяга как-то поделился со мной своим секретом. Смотри, – я начал выстукивать по уцелевшей коре дерева рукоятью ножа, – где-то здесь есть пустоты. Вот эта, например. – По глухому звуку удара я определил нужное место и поддел лезвием кору. – Здесь живут вот такие забавные личинки, – я достал ножом одну белесую мерзость, – это измененная Зоной особь короеда. Взрослые твари пожирают внутренности ствола, почти как термиты, а вот личинки выгрызают лишь самые молодые ткани. Теперь берем вот такую полимерную пробирку для взятия проб радиоактивных образцов и насыпаем туда этих красавиц. Не забываем настругать опилок, чтобы они с голоду не сдохли. И вуаля, – я выполнил все сказанное и закупорил стекляшку такой же полимерной крышкой, – имеем естественный природный детектор зон ИФП.

– Что-то я не очень понял... – Напарник с сомнением уставился на пробирку. – И как это работает?

– А просто, – я засунул изготовленный детектор в петельку на его панаме, – иди и прислушивайся. Эти твари хорошо приспособились к новой среде обитания и обладают природной чуйкой на аномалии. Они всегда стремятся покинуть опасную зону, а так как из пробирки им деваться некуда, они начинают в ней беситься. Так что, если услышишь легкое дзиньканье, знай – где-то в пяти-семи метрах от тебя есть смертельная для этих козявок зона ИФП.

– Как все просто, – удивился Леонид, – а почему никто не продает такие штуки?

– Потому что мало кто об этом знает, – подмигнул я, – эти букашки слегка фонят, да и видимых мутаций у них не наблюдается, а потому их сторонятся даже «академики». Для науки они интереса не представляют, вот их никто серьезно и не изучает в лабораториях, а тем более – в условиях Зоны. А кто знает об этом их особом свойстве, тот в секрете от конкурентов держит.

– Так на этом же можно целый бизнес построить и бабла срубить немало! – Глаза напарничка загорелись.

– Не построишь, – я покачал головой, – никто не купит то, что может легко сделать сам. Да и появление таких вот дешевых детекторов медвежью услугу всем нам окажет. Набегут сюда обалдуи, решившие, что с таким вот детектором они уже суперпроводниками стали. Короче – тьма народу передохнет, прежде чем поймут, что не детектор в Зоне гарантия безопасности.

– А что тогда?

– А вот об этом немного позже. – Я вернул нож на место и бегло осмотрел окрестности. – Когда вечером лагерь разобьем, тогда и поболтаем. Но до безопасного места нам еще топтать и топтать. Так что погнались...

* * *

Мы пересекли лысые холмы без особых приключений. Плотность зон ИФП здесь была незначительной, за несколько часов я не метнул ни одной гайки. Аномальные кляксы в тумане были хорошо различимы, а всякие бегающие и ползающие гады либо уже спали, либо еще не проснулись. И лишь вдали медленно прошлепали два мумантенка. Особи были настолько огромны, что показалось, через туман плывут сами холмы. А когда один из них протрубил, словно огромный старый пароход, мой напарник аж на попу от страха сел.

Дальше старая сталкерская тропа расходилась. Самая натопанная вела в скалистый бедленд, за которым начинались «взрослые» горы, порубленные многочисленными ущельями и перевалами. Вторая извилистая тропка уводила в «хищный лес», куда не всякий бродяга сунется. И первые четыре геометки с флешки доктора, через которые я решил пройти, ложились точно в эти аномальные заросли. Так что дальше наш путь лежал через хвойный лес. Точнее – через его кладбище, а еще точнее – через поле боя земной природы с инопланетной реальностью.

Здесь жалкие остатки старого леса, покореженные годами аномальных воздействий, чередовались с молодой порослью, также искореженной зонами ИФП, но уже отчасти приспособившейся к новой среде обитания. Выжившие в этой войне молодые деревья язык не поворачивался назвать соснами. Их спиралевидные, плоские, квадратные в сечении и с «раковыми» наростами стволы, усыпанные пятиугольными «снежинками» мутировавшей хвои, создавали самый настоящий инопланетный пейзаж, чуждый человеческому восприятию. Но все же это были земные деревья. Некоторые из них в результате необъяснимой переброски генетического кода нескольких существ, попавших в одну и ту же аномалию, стали чудовищной помесью биологических видов. Не зря же это место называли «хищным лесом». Кто хоть раз столкнулся здесь с плотоядным деревом и при этом выжил, дальше предпочитал топать в обход через горы.

А в моем случае вся прелесть заключалась в том, что лешие (так я прозвал эти хищные деревьяшки) меня на дух не переносили. Для них я почему-то был не куском сочного мяса, а кучкой смердящего навоза, от которой они отчаянно драпали. Так что одна из самых страшных опасностей этого места меня обходила стороной. Не факт, конечно, что мое близкое присутствие как-то защитит напарника, но ему об этом знать совсем не обязательно. Его задача в этой ходке проста – тащить на себе наши припасы до тех пор, пока я не найду укромное местечко для проведения воспитательной работы.

* * *

Приключения, как это обычно бывает в Зоне Три-Восемь, начались неожиданно. В какой-то момент безобразные стволы деревьев поредели, а туман между ними, наоборот, сбился в густой кисель. Сложилось впечатление, словно облако на землю упало. Граница всего этого «отклонения» достаточно хорошо просматривалась, и даже Ленька остановился и с опаской ткнул пальцем вперед.

– Что это за хрень? – поинтересовался он. – Зона ИФП?

– Слишком велика она для аномальной кляксы. – Я почесал бороду и извлек из кармашка стальную гайку, обмотанную оранжевой лентой. – Идет фронтом километра в три. Таких больших зон ИФП не бывает. И я бы обошел эту хрень стороной, если бы первая геометка не ложилась внутрь всего этого безобразия.

Я размотал ленту, хорошенько раскрутил на ней гайку и метнул ее прямо в облако. Оранжевый хвостик «подсветил» траекторию полета и несколько раз дернулся, когда гайка

упала на землю. Ничего необычного в поведении шуп-маячка и в пространстве, через которое он пролетел, я не заметил. Да и заточенная на неприятности чуйка молчала.

– Так, дружище, – я повернулся к напарнику, – снимай рюкзак и иди вперед.

– Вот еще! – взбрыкнул Леонид. – Я тебе не тупая отмычка, а полноценный напарник.

– И что же будет делать мой «полноценный» напарник, если я в какую-нибудь задницу встряну? Например, в антигравитационную воронку попаду. Будешь бегать вокруг и охать? – Я грозно глянул на Леньку. – Ты понятия не имеешь, как нужно людей из аномалий вытаскивать, а у меня в этом опыт солидный. И я отвечаю за тебя перед Паскалем, потому на убой никогда не отправлю. Нет впереди ничего смертельно опасного. К тому же у тебя на панаме есть детектор – повернешь назад, если сработает. Что ты вообще за сталкер такой, если любой зонной ерунды боишься?! Короче, делай что говорю или вали назад, к брательнику на шею!

– Ладно, иду, – напарник перекинулся, скинул рюкзак с припасами и перехватил автомат, – разорался тут, понимаешь. Как будто я никогда отмычкой не ходил.

Ленька одарил меня взглядом, полным презрения, и выдвинулся вперед. В нескольких метрах от стены более плотного тумана он остановился и выломал себе посох. Придерживая одной рукой висящий на ремне автомат, напарник выставил руку с палкой вперед и, делая фехтовальные выпады, вошел в облако. Как ни странно, ничего не произошло.

– погоди, не иди дальше, – окликнул я, – опиши, что чувствуешь.

– А ничего, – Леонид развел руками, – туман как туман. Только запах тут, как после грозы. Кстати, твою гайку принести?

– К черту гайку! – Я подхватил брошенный напарником рюкзак и призывно махнул рукой. – Бегом ко мне!

– А что такое? – Леонид растерянно осмотрелся.

– Бегом, сказал! – рыкнул я, после чего развернулся и рванул прочь от облака.

Моего столь спешного отступления вполне хватило, чтобы Ленька подскочил как ужаленный и кинулся за мной. Когда мы поравнялись, я на ходу перекинул ему рюкзак и велел поставить ствол на предохранитель.

– А чего, стрелять, что ли, нельзя? – догадался запыхавшийся напарник.

– Упаси бог, – подтвердил я, – от любой искры шарахнет все это облако – костей не соберем.

– Ой, как же это все не вовремя, – прохрипел прокуренным голосом Ленька и выхватил свой нож.

И только сейчас я заметил, что в тумане наперерез нам мчались две горбатые спины. Скрипнув зубами, я закинул «калаш» за спину и тоже достал нож.

– Станем вон в тех ямках, – я указал на две выбоины в земле, – друг за другом. У гиен уязвимое брюхо, в него и будем бить. Первый удар на себя приму, а ты подстрахуй, если сможешь.

– Ни хрена, – прошипел Леонид, – не держи меня за пацана. С одной горбатой гиеной я справлюсь. А вот ты с двумя – вряд ли. Стоим плечом к плечу! Сделаем их!

Такой боевой настрой напарника мне очень даже понравился. А чем черт не шутит? Пусть покажет, на что способен.

Мы выбежали на относительно ровную полянку и остановились рядом с крупным, наполовину вывернутым из земли пеньком, из которого во все стороны торчали обломанные корявые корни. Две крупные гиены тоже выстроились в линию, каждая из них выбрала свою жертву. Я прикинул на глаз и стал так, чтобы моя псина, если промахнется, упала точно на торчащие из земли коряги. Скинув на землю свой легкий тактический рюкзачок и автомат, я перехватил нож поудобнее, слегка присел и приготовился к прыжку. Леонид же встал в полный рост и поднял перед собой рюкзак с нашими припасами.

Секунды ожидания просвистели пулями, и гиена, выбравшая меня, оскалив пасть, прыгнула. Ее тяжелая туша летела достаточно медленно, чтобы я успел уклониться. Желтые слюнявые зубы пронеслись у самого моего носа. Быстрый отработанный выпад, и острая как бритва сталь ударила гадине под брюхо. Клинок вошел по самую гарду. Инерция тела мутанта сделала за меня всю работу; туша налезла на нож, и мне нужно было лишь удерживать его в руке. Лезвие с легкостью распороло мягкие ткани и стукнуло о какую-то кость. В этот момент я уже рывком выдергивал нож, чтобы по руке не ударила задняя когтистая лапа гиены. За пару зазубрин лезвия зацепились кишки, и бело-розовые шланги шлейфом потянулись за падающим мутантом. От резкой боли гиена дернулась, изогнулась дугой и не смогла приземлиться на лапы. Ее тело врезалось в пень и напоролось на острые коряги. Пробитая навывлет в двух местах туша забилась в предсмертной агонии.

И все это время я краем глаза наблюдал за действиями напарника, готовый в любую секунду прийти ему на помощь. Но, как оказалось, он в помощи совсем не нуждался. В момент атаки Леонид с силой оттолкнул от себя рюкзак. Тяжелая ноша полетела навстречу гиене и ударила ее прямо в рыло. Ошеломленная скотинка вцепилась зубами в ткань рюкзака. Сбитая с траектории, она перевернулась в воздухе и упала спиной прямо в яму у Лениных ног. И пока гиена поняла, что запустила клыки во что-то явно несъедобное, напарник подскочил к животинке и нанес три настолько молниеносных удара, что у меня аж челюсть отвисла. Туша его гиены просто обмякла мешком и замерла. Ни звуков, ни судорожных рывков. Так бывает, когда пуля или лезвие попадает между шестым и седьмым бронированным позвонком этой твари. Я знал про это уязвимое место мутанта, но попасть в него во время боя, тем более рукопашного, – это из разряда фантастики.

Особенностью местных горбатых гиен была их повышенная живучесть. И даже с пулей в голове эти твари «дрыгались» достаточно долго и активно, чтобы успеть утянуть за собой на тот свет и своего обидчика. А потому к данным животинкам нужен был особый подход.

– Что дальше? – первым заговорил Леонид.

– Дальше валим в укрытие, – я махнул рукой в сторону небольшого каменного выступа, который приметил по пути сюда, – и оттуда «разрядим» облако.

– Ясно, – напарник криво улыбнулся, поняв, что я оценил его уровень владения ножом, – валим туда.

* * *

Уже через минуту мы укрылись за приличным гранитным пластом. По моей команде Леонид отправил в край стелющегося по земле облака выстрел подствольного гранатомета и тут же укрылся за торчащей из земли скалой.

Громыхнуло знатно. Весь «хищный лес» качнулся. Над нашим укрытием пронесся целый поток мелких осколков и пыли. В ушах зазвенело, даже открытый рот не помог.

– Вот это конспирация, – хихикнул Ленька, когда все улеглось, – никто не догадается, что мы здесь тусим.

– А даже если и догадаются, что с того? Вся живность в округе либо передохла, либо контужена. Ясный хрен, сюда сейчас мутантов со всех сторон набегит. Да только не полезут они на нас, когда вокруг вагоны легкой еды разбросаны. Или думаешь, они не жрут своих дохлых собратьев?

– Ну а люди?

– Какие нормальные люди в «хищный лес» после такого «бада-бума» полезут?

– А ненормальные?

– Так они уже тут. Причем оба. – Я подмигнул напарнику и отправился в эпицентр взрыва.

Передвигаться по выкошенному лесу стало труднее. Разорванные коряги застелили все видимое пространство, можно было запросто поломать ноги на этом разухабистом ковре. Тушки местных обитателей, которых хорошенько лизнуло пламя, дымились; остальные, в разной степени порванные, валялись под поваленными стволами или висели гирляндами на корягах. Туман в области взрыва развеялся окончательно, и аномальные кляксы уже приходилось отыскивать старым добрым методом. В дело пошли сталкерская чуйка и стальная гайка. Метнув шуп-маячок и осмотревшись, я продвигался вперед, поднимал свою гайку и метал ее вновь. Так неспешно, методично мы и пришли к своей цели.

– Вон они, – я указал пальцем на копошащихся в грязи мутантов, – спонсоры нашего недавнего веселья. Это черепашки-мутанты, но, к сожалению, не ниндзя. Живут стаями. Они неповоротливы и до ужаса медлительны, а не передохли до сих пор только потому, что имеют непробиваемую броню и особенную железу. Когда эти твари голодны, их железа начинает вырабатывать особый газ, подобный гремучему. Только этот газ не улетучивается, а как-то удерживается вокруг них. Один мой знакомый «академик» говорил, что это облако словно наэлектризовано, и черепахи, сидя в его центре, даже как-то ощущают, сколько живых организмов попало в эти их выделения. А когда живого мяса вокруг оказывается настолько много, чтобы прокормить и стаю, и более шустрых мутантов, которые сбегутся на званный ужин, тогда черепахи бьются своими бронированными панцирями, высекают искры – и привет.

– Забавно, – Леонид поправил свою панаму, – я слышал о таких зверушках, но думал, что они обитают лишь на побережье и собираются в совсем маленькие стаи. А тут их не меньше тысячи. Да и побережье далеко.

– Дело в том, что скоро сезон тайфунов. Тогда эти твари не смогут свои облака создавать, и пожрать у них получится в следующий раз лишь по завершении сезона. Побережье в последнее время военный флот обстреливает. Так они решили бороться с проникновением мутантов в Мировой океан. Так что жратвы там теперь мало. Вот и лезут наши друзья туда, где побольше мяса. А то, что сбились они в такую огромную стаю, так это же не от лучшей жизни. Зона меняется, перестраиваются и ее обитатели. Кто приспособился, тот и живет дальше.

– Это все, конечно, интересно, но что с нашей контрольной точкой?

– По-видимому, ничего, – я ковырял ножом землю и изучал срез перегноя, – первая геометка оказалась так называемой «мертвой зоной». Вот смотри, – я ткнул лезвием в землю, – слой перегноя очень большой и выглядит абсолютно нормально.

– И что?

– А то, что за лет пять-шесть через него ни одна зона ИФП не прошла и не оставила своих агрессивных воздействий. Потому эту полянку и выбрала стая черепах. Времени на создание такого большого облака нужно много, так почему бы не сделать это в самом безопасном месте? Эта полянка хороша для длительной стоянки или ночлега. Вот мой знакомый ее и пометил. Но нам еще слишком рано лагерь разбивать. Нужно успеть еще пару точек пройти.

– А кто этот твой знакомый? – поинтересовался Леонид.

– Он – покойник, – я улыбнулся, – это все, что тебе о нем нужно знать.

* * *

Я сделал на своем наладоннике пометку и отправился к следующей геометке. Навигатор вывел нас на край поваленного взрывом леса. Разрушения здесь были не столь значительны, как в эпицентре, но, даже имея точные координаты тайника, нам пришлось его долго выискивать под кривыми стволами сосен. Но минут через двадцать Ленька, кряхтя от

потуг, сдвинул с места и спустил вниз по склону огромный пень. После чего довольный, как слон, нырнул в открывшуюся в земле нишу и вытащил наружу крупный цилиндр из серого пластика. «Цистерна» оказалась сантиметров тридцать в диаметре и длиной до полуметра.

– Ого, и что это у нас? – Я подскочил к нему и присвистнул, опознав находку. – Это полимерное хранилище, которым «академики» в экспедициях пользуются. Как правило, в них хранят нечто более ценное, чем припасы.

– Ну, тогда вскроем его и глянем, что внутри! – Радостный напарник кинул цилиндр под ноги и потянулся за ножом.

– Не так быстро, дружище, – остановил его я, – эта хрень хоть и легкая да на вид неказистая, но весьма надежная, как хранилище ценных вещей. Она изготовлена из крайне прочного огнеупорного полимера. Походная горелка его не возьмет, и разбить его чем-то тяжелым не выйдет. Будем открывать по-хорошему. На нем кодовый замок из пяти цифр. Будем убивать время, перебирая комбинации.

– Вот еще, время на это тратить! – Ленька полез в рюкзак. – Меня братва в североко-рейской Зоне одному трюку научила...

Из своего подсумка напарник извлек маленький, но весьма современный криотермос из тех, что я видел в мастерской Паскаля.

– Жидкий азот? – поинтересовался я. – У брата стырил?

– Ну, стырил, – Ленька шкодливо заулыбался, – так для пользы же дела. И вот он пригодился!

Я скорчил кислую гримасу, но осуждать его не стал. В конце концов, сейчас эта выходка могла нам серьезно сэкономить время. Я одобряюще кивнул и стал наблюдать за действиями напарника.

Ленька аккуратно откупорил сосуд и налил дымящейся жидкости в вогнутое дно полимерного сейфа. Азот забурлил, как вода в раскаленном чайнике, а когда немного успокоился, напарник быстро слил остатки на землю и со всего размаха ударил в дно булыжником. Сверхпрочный и жаростойкий пластик разлетелся хрупким стеклом, а довольный Ленька вытряхнул на землю содержимое сейфа.

Внутри оказался исписанный блокнотный листик и всего одна экзотическая хрень. Но что это была за хрень! Нам в руки попал крайне редкий и дорогой объект инопланетного происхождения, или, как его называли простые бродяги, – артефакт.

Как-то на досуге я листал в холле своей гостиницы старенький каталог, в котором перечислялись найденные в Зоне Три-Восемь инопланетные объекты. Такие издания хороши были лишь для развлечения туристов, ибо найти что-либо изображенное там было практически невозможно. Зону Три-Восемь вычистили от подобной экзотики в первое же десятилетие после Дня Посещения. Электронные версии каталогов были намного удобнее, чем толстые фотоальбомы с глянцевыми страницами, но, коротая время под прохладным потоком кондиционера, куда приятнее полистать «бумажную» книгу. Вот тогда-то я, посасывая через трубочку мохито, и пускал слюни на топовую двадцатку самых дорогих артефактов. Найденный нами объект был из их числа. Точного названия я не помнил, в голове вертелись какие-то идиотские словосочетания типа «квантовый вариатор» или «метафизический трансформатор». Но я точно помнил одно – цена этой непонятности исчислялась миллионами зелененьких.

– О-охре-ене-еть, – протянул восторженный напарник. – Знаешь что это такое? Наверное, дорогое!

– Точняк, – я кивнул, – это успех. Везунчик ты, Ленька, только вышел в Зону, а тут такой приход.

– Но мы же его делим пополам, – встревожился Леонид, – как и договаривались?

– Само собой, как договаривались. Это там у вас, в северной части Зоны, принято кидать друг друга, а у нас здесь, можно сказать, своя сталкерская культура и «развитая» цивилизация.

– Тогда давай я буду его в своем рюкзаке носить, – в душе напарника взыграло говнецо, – ведь все равно, кто носит. Делить-то пополам.

– Да как хочешь, дружище, – улыбнулся я и поднял с земли исписанный листик, содержание которого было весьма любопытно.

– Что там, читай вслух, – буркнул Ленька, упаковывая драгоценную находку в рюкзак.

– Почерк моего старого знакомого, – я пошелестел листиком, – а пишет он следующее: «Дорогой друг Ч, если ты это читаешь, значит, случилось нечто непредвиденное, и я уже никак не успеваю к нуль-сезону на Крысиный перевал. Прошу прощения, что лично не доставил интересующий тебя артефакт и не смогу присутствовать на нашем долгожданном эксперименте. Надеюсь, он пройдет успешно и оправдает все наши ожидания. И, разумеется, жду твоих видеозаписей и отчетов после завершения». И подпись – «Доктор М».

– Ну, кому-то точно обломится, – Леонид постучал по рюкзаку, – эту штучку он уже не получит. А что это за «Доктор М» и его «Дорогой друг Ч»?

– Доктор, как я уже говорил, – покойник, – я еще раз пробежался глазами по записке, сложил ее вдвое и сунул в карман, – а вот «мистер Ч», кажется, я догадываюсь, кто это. Но нужно проверить.

– И как же ты проверишь? Ведь неизвестно, в каком месте они договорились встретиться. А нуль-сезоны – это всего несколько дней полного «штиля» между сезонами туманов, муссонов, ураганов и прочей фигни. Сколько их в одном году? И хрен поймешь, какой именно нуль-сезон имелся в виду.

– А вот тут ты не прав! – Я лукаво улыбнулся и полез в свой наладонник. – Крысиный перевал – это безлюдное и опасное место в самом центре одного горного хребта. Там, конечно, целая сеть туннелей, много подземных пещер и залов, разбросанных по огромной площади. Вот только... – я нашел то, что искал, и показал напарнику фрагмент электронной карты, – в том районе стоит всего одна геометка нашего «доктора М», которая, видимо, и указывает на место встречи. Ну а время встречи – тут еще проще. Перед тем как ласты склеить, доктор хотел договориться со мной еще об одной ходке. Он просил меня лично отвести его следующую экспедицию именно к этому горному хребту в ближайший нуль-сезон. Который, кстати, начнется через десять дней...

– Так что, навестим этого «мистера Ч» или как? – поинтересовался напарник.

– А вот тут нарисовалась проблемка... – Я присел на корточки, забил в навигатор новый маршрут и прикинул расстояние. – Мы от Тэдждона не в ту сторону двинули, теперь нужно будет делать солидный крюк. Далековато будет, – я почесал маковку, – нам не хватит припасов, чтобы дойти туда и обратно к Периметру, по крайней мере на двоих. А время уже серьезно поджигает. Нужно что-то придумать...

А что тут было придумывать?! Я же изначально хотел использовать Леонида в качестве вьючного животного до тех пор, пока не настанет подходящий момент. И вот он настал. Имеющихся на данный момент припасов с головой хватит на меня одного. Так что напарнику моему явно не свезло, не получилось у меня выгулять скотинку перед забоем. Ну и хрен с ним!

И я уже прикидывал, каким именно элегантным способом вырубить жертву и в каком конкретно месте провести казнь, когда сзади что-то сильно ударило меня по затылку. Свет тут же погас, а сознание рухнуло в бездонную пустоту...

Реванш-рывок

Яркий свет больничных светильников заливал маленькое раскуроченное помещение лаборатории. Все стенды, столы и прочая стационарная мебель перевернута и разбита в хлам. На полу среди битого стекла разбросаны всевозможные хирургические инструменты, бутылочки с пилюлями, шприцы с разноцветными препаратами, и все это сверху щедро приправлено свежей кровью. Часть алых брызг, измаравших белое стерильное помещение, вытекла из меня, часть – из порубленного на куски охранника, что валялся у заблокированного входа. Ну а самые свежие капельки крови, бодро летающие с малой хирургической пилы, принадлежали совсем молодой и в какой-то мере симпатичной лаборантке.

Девушка, надежно пристегнутая к хирургическому столу, была в сознании и вопила так, что звенели все уцелевшие мензурки. Я безжалостно разделявал ее, как тушу свиньи на мясокомбинате, но при этом старался не нанести смертельной раны, чтобы ее агония продолжилась как можно дольше. Отбросив в сторону липкую от крови пилу, я поднял с пола хирургические ножницы, чем-то напоминающие садовый секатор, раскрыл их и запустил нижнее кривое лезвие ей под ребро. Каждый последующий хруст разрубаемых костей вызывал все новые и новые истерические вопли, хаотически меняющие интенсивность и тон. Я слушал эти звуки, как странную экзотическую музыку, как какую-то сонату боли, слушал и улыбался.

У стены напротив операционного стола к вертикально стоящим больничным койкам так же надежно пристегнуты два доктора. Один – совсем седой дядька, другой – молодой человек, примерно того же возраста, что и наполовину распотрошенная лаборантка. Я не понимал, что именно происходит, но точно знал, что эта девушка относительно невиновна и сейчас страдает только потому, что мне нужно сделать максимально больно двум этим ублюдкам – ее отцу и женишку. Весь этот спектакль сейчас я разыгрывал исключительно для них. Я был уверен, что эти обездвиженные твари заслуживают самой лютой смерти, и они ее получают, но только после того, как их крыша от увиденного начнет проседать в глубокий котлован безумия.

Я подбежал к этим двоим, вырвал кляпы из ртов и стал размахивать окровавленным ампутационным ножом, как это делает дирижер перед оркестром. Симфонию боли обогатили еще два живых инструмента. Пританцовывая и смеясь, словно полоумный, я вернулся к лаборантке и принялся вскрывать ее брюшную полость. Края разрезов тут же замораживал специальный аэрозоль, кровь от этого сочилась гораздо медленнее. Когда кишки и прочие органы гирляндами повисли на стоящих рядом штативах, бедняжка испустила дух. И я занялся седым хирургом и его молодым помощником. Они сейчас платили по счетам, так что жалости к ним я не испытывал. В руке зажужжала электрическая пила, серебристый диск с мелкими острыми зубьями погрузился в плоть и обдал мое лицо алым фонтаном...

Все это безумие я наблюдал словно со стороны, я не мог контролировать свои действия. Меня душили рвотные спазмы, но я продолжал медленно и методично расчленять тела докторов. И вот когда последний из них, смотря на свои лишённые плоти пальцы, дернулся пару раз и сдох, за дверью лаборатории что-то мощно гроыхнуло. Бронированная дверь комнаты слегка вогнулась внутрь, но не поддавалась. Я понял, что это охрана бункера притащила взрывчатку. Еще одна закладка пластида – и дверь не выдержит.

Я глянул на покровсанного охранника, его пистолет был пуст, весь свой скудный боекомплект он спустил в меня. И только сейчас я понял и ощутил в полной мере ту боль, которая меня все это время терзала. Мои раны чудесным образом заросли, но все пули остались в теле и теперь жгли мою плоть изнутри. Я нашел взглядом на полу шпич с препаратом ядовито-зеленого цвета, который накануне вкололи мне эти дохлые докторишки. В голову

пришла мысль – если эта хрень настолько увеличила регенерацию моих тканей, что я смог выдержать с десятков пушечных пуль, то, вполне возможно, я смогу перенести еще несколько десятков попаданий, повторно введя себе этот яд. Рука сама вколола в шею агрессивный препарат. Адский огонь вновь разлился по венам и артериям. Я взвыл раненым зверем. В этот момент громыхнула вторая закладка пластида, и острые стальные осколки посекали мое тело, разорвав на лоскуты перепачканный кровью медицинский халат. Покопченная дырявая дверь сорвалась с креплений и гулко ударила о бетонную стену...

* * *

В следующий миг я очнулся. Как и следовало ожидать, боль из бредового кошмара никуда не делась. Десятки острых ее источников распяли меня на дне какой-то канавы. А пока тело корчилось и выгибалось дугой в припадке, я пытался осмотреться и понять, что же, собственно, произошло. В памяти отчетливо отпечатались подлый удар в спину. Я скрипел зубами и злился сам на себя. Как я мог так слепо верить этому подонку Леониду?! Ведь он же мне сам рассказывал, как пострелял своих товарищей за простенькую инопланетную безделушку! Эх, зря я тогда повернулся к нему спиной. Надо было кончать его сразу, как только пересекли границу аномальных территорий. А теперь этот гаденыш уже наверняка вернулся в торговую зону и слил за бесценку найденную штукину. Присвоил, скотина, мои честные сталкерские бабки!

Я дергался и плевался от злости минуты две, а когда боль начала отступать, подполз к торчащему из канавы бревну и присел, прислонившись к нему спиной. Еще через минуту фантомные боли исчезли полностью, и теперь за меня взялась уже самая настоящая реальная боль. Я опустил взгляд и увидел три отверстия в своей горке. Под этими подкрашенными запекшейся кровью дырками в животе и груди сидели пули. Они были явно выпущены из пистолета – если бы стрелял «калаш», то меня бы прошило навывлет и сейчас чужеродные тела не сверлили бы плоть. Значит, Ленка еще и на патронах решил сэкономить, мудака. Думал, что убил меня, тварь! И даже не похоронил по-человечески, а в канаву скинул, как последнего паршивого мутанта! Зуб даю, если он еще не успел свалить из Зоны, найду уроды и собственноручно на ремни порежу, как в этих моих дебильных снах.

Я стиснул зубы и осмотрелся. На дне канавы лежал мой вывернутый наизнанку рюкзак, а вокруг были разбросаны вещи, которые Ленка счел ненужным лишним грузом. Тут валялся и мой походный набор хирургических инструментов, и полевой комплект для взятия проб, и мешочек с гайками, и даже мой любимый зазубренный нож, который не всякому придется по вкусу. А то место, где все это время пролежало мое бездыханное тело, было щедро засеяно серебристыми упаковками презервативов. Видимо, сильно задела Леонида моя шутка про штопаные резиновые изделия, если ему не лень было оторвать от цельной ленты штук тридцать пакетиков и с презрением метнуть их в меня.

Из припасов остались лишь две пачки ржаных хлебцев, и то только потому, что их упаковки были порваны. В кучке возле рюкзака валялись разбитые колбы с агрессивными препаратами, которые я подготовил для Ленкиной казни. Вся остальная походная мелочовка личного использования также была небрежно разбросана. Оружия, ясен перец, этот упырь мне не оставил.

Рука потянулась за наладонником, чехол оказался пуст. Даже мой потертый аппарат этот гад утянул! Использовать его он точно не сможет, доступ к информации защищен паролем, но вот продать мой любимый проверенный временем и Зоной гаджет Ленка сможет запросто.

Интересно, сколько же я здесь провалялся? Я попытался встать, чтобы сориентироваться по солнцу, но острая боль в животе согнула меня буквой «Г». Источник режущей боли

засвербел где-то в груди и вызвал приступ дикого чахоточного кашля. Так, стоя в канаве раком, я и харкал кровью, пока с очередным судорожным кашлевым толчком изо рта не вылетела деформированная пуля. Это хорошо, что она застряла внутри легких, – одной болезненной операцией стало меньше. Я последний раз сплюнул кровью и отдышался. По-хорошему, нужно было прямо сейчас извлечь две оставшиеся пули и отправляться в погоню за Леонидом. Но этот подонок не оставил мне ни одной аптечки с обезболивающим средством. Значит, резать надо будет по живому, точно как в моих ночных кошмарах.

Я поднял свой медицинский набор, достал скальпель, щипцы для извлечения пуль и улегся на склон. Ну, поехали. Я задержал дыхание и резко нажал на скальпель. Первой захотелось извлечь самую «болючую» пулю из брюшной полости, которая засела чуть выше и правее пупка. Боль была хоть и не такая ужасная, как в моих видениях, но все же слезы катились из глаз, а сквозь скрежет зубов периодически вырывались скрипучие стоны. И наконец, когда я выдернул из себя щипцы с расплющенной пулей, то не удержался и зарыдал, как ребенок. Последняя «маслина», скорее всего, засела где-то в печени. Поврежденный орган уже восстановился, и эта пуля не так сильно беспокоила меня, как первые две, а потому я решил извлечь ее в более комфортной обстановке. И вообще лучше пойти в сталкерский госпиталь к знакомому хирургу и попросить его это сделать. А пока нужно было срочно выдвигаться наперехват.

Я быстро собрал разбросанные в канаве вещи в мой опустевший рюкзачок и, сжимая в руке свой нож, вскарабкался вверх по склону. Солнце уже скатывалось к скалистым вершинам на горизонте; выходит, я провалялся здесь практически целый день. Как и предполагалось, канава находилась в «хищном лесу» на самом краю выкошенного взрывом леса.

Бегло изучив следы Ленькиных «копыт» вокруг канавы, я сильно удивился. Этот мудака вместо того, чтобы ломануться назад к Периметру, двинул напрямик в Зону. Не думаю, что он мог настолько сбиться с пути. Что-то здесь было нечисто. По логике вещей, любой новичок должен был, прыгая от счастья, ретироваться со своей драгоценной добычей в безопасное место, а этот полез в самую задницу, причем в одиночку. Я глянул на цепочку Ленькиных следов, и странная нехорошая догадка прогнала по коже колючий холодок. Похоже, мой бывший напарник отправился напрямик к Крысиному перевалу. Неужели он решил продолжить мою ходку и выйти в ту самую точку, которую я ему показал? Но для этого он должен был взломать мой навигатор или иметь свои собственные координаты указанного места. Но не мог же Паскаль и ему скинуть мой файл с геометками? Или мог? А может быть, этот подонок Ленька украл их у брата, так же как и жидкий азот? Пусть так, но это все равно не объясняло Ленькиного желания встретиться с неизвестным ему «мистером Ч». Не станет же он предлагать ему выкупить найденный артефакт?..

Все это было крайне странно, но тем интереснее становилась моя предстоящая ходка, мой реванш-рывок. И хоть из оружия у меня остались лишь нож и скальпель, а из еды – две пачки хрустиков, отступить я и не думал. И даже наоборот, внутри зажегся дикий азарт. Я ощутил себя каким-то хищником-мутантом, коренным обитателем Зоны Три-Восемь, который вышел на охоту. И, вытащив из мешочка гайку, я отправился по следу.

Буквально на первых шагах я наткнулся на разорванный пополам труп лешего. Зная, какой прочностью обладают тела этих мутантов, я предположил, что хищную деревяшку вышвырнуло ударной волной прямо из разрядившегося облака и пронесло по воздуху метров двести, пока он не наткнулся на скалу, разрубившую его. Злобная мысль мелькнула в голове, и я задержался на несколько секунд, чтобы вырезать из гениталий мутанта парочку семян. Они мне пригодятся для дальнейших воспитательных работ.

Через равнину, на которой растянулся «хищный лес», я пронесся ударными темпами. В ход пошли все мои сталкерские навыки, все умения и особые способности. Следопыт был из меня не идеальный, но навьюченный под завязку Леонид оставил за собой очень

много отчетливых следов. Где тяжело было различить отпечатки его тракторных подошв, там можно было сориентироваться по обломанным веткам. Бывший напарничек спешил и ломился сквозь заросли неуклюжим медведем. Что было понятно – ближайшая относительно пригодная для ночевки территория была у подножия первых невысоких гор по другую сторону студневой долины. А бурлящие разливы коллоидного газа лучше было преодолеть засветло.

Граница леса оборвалась резко, но я не спешил выходить в долину. Несколько долгих минут я пролежал под уродливой корягой, всматриваясь в изрезанную цветными ручьями территорию. Одному Создателю было известно, почему здешнюю каменную породу не разьедал «ведьмин студень», как он это делает в любом другом месте. Ведь сколько раз я тут ходил, а ландшафт практически не менялся. Даже студневые ручейки текли в своих старых руслах. А редкие «полноводные» разливы коллоидного газа лишь слизывали с поверхности долины нанесенный ветром и дождями мусор.

Цепь Ленькиных следов обрывалась на склоне в том месте, где недавний разлив «студня» подъял песок и почву, оголив под ними чистую скальную породу. Напарник подозрительно хорошо выбрал самое узкое место долины, чтобы пересечь ее. Что это было – совпадение, везучесть, присущая любому начинающему, или все же Ленька был не таким уж и новичком, каким хотел казаться?

Узкий перешеек в несколько километров и крутой подъем за ним просматривались хорошо. Моего бывшего напарника там не было. Видимо, он уже топал вдоль горного хребта, выбирая подходящее местечко для ночевки. И мне нужно было поспешить. Еще с десятков-другой минут, и солнце опустится за вершины. А фонарика мне паршивец Ленька не оставил. Прикинув на глаз самый выгодный маршрут, я выпрыгнул из-под коряги и понесся по склону.

Резвыми прыжками без малейших остановок я пересек долину и уже на противоположном склоне отдышался и отыскал Ленькин след. Расстояние между отпечатками значительно уменьшилось, а это говорило о том, что бывший напарник, преодолев самую опасную часть пути, больше не спешил и дальше потопал вразвалочку. Дойти до места ночлега времени у него было с огромным запасом, а вот у меня, похоже, уже совсем не осталось.

Красное солнце окончательно спряталось за горами, и Зону Три-Восемь поглотили сумерки. Пока еще было хоть что-то видно, я бежал по следу, порой пренебрегая опасностями, иногда теряя и вновь находя свежую цепочку отпечатков. А когда стемнело до такой степени, что различить что-либо на земле стало невозможно, я присел на ближайший валун и призадумался.

Идти дальше по следу уже нереально, но и оставаться здесь на ночевку – тоже не вариант. Ленька, выспавшийся и полный сил, выдвинется с рассветом, и догнать его с такой форой будет весьма проблематично. Нужно было любой ценой сократить разрыв между нами, а еще лучше – обогнать его и выйти в то место, через которое он в любом случае должен был пройти. И впереди, если мне не изменяет память, было одно такое местечко. Там я сам однажды попал в засаду корейских рейдеров. До него Ленька точно не смог дойти, с таким темпом ему бы не хватило времени. Да и мне, чтобы выйти на эту точку, нужно будет всю ночь через Зону пилить. Но если я успею, то лучшего места для засады не придумать, и тогда Леньке достанется с лихвой... Это, конечно, при условии, что он претя именно к Крысиному перевалу. А если нет? Ведь, потеряв сейчас след, я уже вряд ли смогу найти бывшего напарника.

Я взвесил все «за» и «против», встал и отправился самой короткой тропкой, какую только знал, к месту своей будущей засады. В любом случае нужно было попытаться счастья. Будь у меня сейчас пристрелянный автомат, можно было бы не спешить, а завтра за целый день спокойно догнать подонка и атаковать его с любой позиции. Но, имея при себе только

нож, на успех можно было рассчитывать лишь в случае грамотного выбора места засады. Да и ситуация осложнялась тем, что через сутки ходу лесистое подножье имело огромную скалистую пролысину аж на три дня пути, а следовательно, просматривалось и простреливалось на ура. И там уж мне точно ничего не светило.

Погодка выдалась безветренной и облачной. Луна спряталась за многослойной шторой облаков и едва подсвечивала здешние просторы. Дальше метать гайки было бессмысленно: оранжевый хвостик ленты растворялся во мраке уже через несколько метров полета. Я недовольно хмыкнул и полез в рюкзак за маленьким баллончиком гелия и презервативом. Никогда не думал, что опять воспользуюсь вот таким старым добрым средством безопасного сношения с аномальной реальностью. Последнее время я не передвигался ночью по Зоне, а если уж сильно припекало, то подсвечивал небо по пути следования фонариком.

Концентрированный узкий конус света ночью помогал выявить даже самые коварные аномалии, которые днем различить было невозможно. Фотоны, попадая в зоны измененного физического пространства, вели себя порой катастрофически ненормально. В некоторых невидимых аномальных кляксах свет мог всего лишь слегка преломиться, поглотиться или разложиться на спектральный пучок. А в некоторых особо редких зонах ИФП фотоны критически замедлялись и начинали вести себя, как жидкость или густой пар, закручиваясь в причудливые вихри. Отчего вся аномальная клякса начинала сиять, словно матовый плафон огромного ночника.

Я отпустил в небо свой «аэрозонд» и закрепил конец веревки на поясе. Теперь, если в пяти метрах надо мной что-то возникнет, будет слышен отчетливый хлопок. А дальше нужно рассчитывать исключительно на свое развитое чутье и сталкерскую удачу. Для дополнительной перестраховки я выломал себе двухметровый посох и по-быстрому, подсветив спичками, состряпал из пробирки и личинок короедов детектор аномалий, точно такой же, как накануне забацал Леньке. После чего, выставив перед собой посох, двинул по ночной Зоне.

Ночь на аномальных просторах – особое время. Мало того что тебя окружают всевозможные стремные звуки и зловещие искорки чьих-то глаз, так еще в небе начинают плавать косяки НЛЮ. Но эти летающие объекты можно лишь условно назвать неопознанными. Как правило, по ночам ярко светились лишь зоны ИФП плазменной природы, названия которых были известны даже новичкам. За одним крупным «горнилом» я даже пробежал несколько сотен метров, пока оно по плавной траектории не опустилось и не исчезло под землей. А чего? Если под него не подлезать, то получался такой себе гигантский самоходный фонарь.

И вот так, то еле ползая, прислушиваясь к своим ощущениям, то совершая стремительные рывки за летающими плазмоидами, я и провел пять увлекательных часов. Вести точный отсчет времени не было возможности: единственные часы, которые у меня были, беззвучно отсчитывали минуты на исчезнувшем наладоннике. Хорошо, что остался брелок с крохотным компасом, при помощи которого я сейчас хоть как-то ориентировался. И когда я уже окончательно вошел в особый ночной ритм передвижения, где-то совсем рядом, в километре-двух от меня, загромыхали очереди. По звуку – стрелял «калаш», бил затяжными, рожка два выплюнул, прежде чем прозвучали одиночные контрольные выстрелы. Видимо, кто-то отбивался от ночных гостей. И велика вероятность, что это был Ленька.

Я сошел с маршрута, отрезал свой «воздушный шарик» и осторожно выдвинулся в сторону недавней стрельбы. На подходе к месту я уловил едва ощутимый запах дыма и пьянящий аромат каких-то душистых специй. Мой желудок тоскливо пискнул, а рот заполнился слюной. Скорее всего, этот запах и привлек какую-то очень голодную зверушку. Я подкрался еще ближе и затаился за крупным поваленным деревом.

Метрах в двадцати от меня под горой чернела большая дыра, внутри которой слабо мерцали тлеющие угольки. Это был один из известных мне гротов, что частенько использо-

вались сталкерами для ночлегов. Там внутри кто-то копошился и ворчал. Я прислушался. После серии кряхтений раздался трехэтажный мат. Это был Леонид, он перевязывал рану. Видать, бой с ночным гостем был жарким.

Тут же недалеко от входа в грот я разглядел какую-то тушку, в которой позже узнал крысуна. Полутораметровая помесь крысы, жабы и дикобраза была знатно порвана пулями. Подошедшая скотинка была весьма опасной. Удивительно, что Ленька выжил в этой схватке. На моей памяти ни один новичок с крысуном не смог справиться. Гадина очень быстрая и крайне живучая, и чтобы эффективно с ней бороться, нужно знать уязвимые места мутанта, не поддаваться панике и уметь метко стрелять. Ну или научиться бегать по пересеченной местности чуть быстрее ста камэ в час, чтобы убежать от этой забавной зверушки.

Зная особенности поведения крысуна, я сейчас совсем не переживал о том, что еще какая-нибудь хищная гадина явится сюда на звуки стрельбы и запахи Ленькиного ужина. Этот мутант всегда охотится в одиночку и ревностно охраняет свои охотничьи территории. А значит, в округе на пять-шесть километров сейчас не было ни одного достаточно крупного хищника, способного справиться с вооруженным ножом человеком. Видимо, об этом знал и Леонид, потому как очень скоро я услышал из грота характерный длинный звук застегивающегося zipperа его спального мешка. Чтобы улечься спать после такого боя, мало быть уверенным, что тебя больше никто не побеспокоит, нужно еще иметь и стальные яйца в штанах. Ох, чует мое сердце, с этим Ленькой что-то совсем нечисто. Но тем интереснее будет заполучить его в качестве трофея.

Я выжидал час за часом, пока густой мрак ночи не начал таять в первых лучах рассвета. К тому времени я уже нашел и вырвал большой лоскут рыжего мха, который в простонародье называли «вечный сон». Это растение обладало одним весьма неприятным свойством. Кто его не знал и засыпал рядом с этой гадостью, действительно уже никогда не просыпался. Дело в том, что коварное растение вырабатывало летучий фермент без запаха. И хоть эти испарения практически развеивались на расстоянии тридцати сантиметров от зарослей мха, но любой, кто достаточно близко оказывался к растению и вдыхал фермент, отрубался на несколько часов. А так как мох вырабатывал свой наркотик без перерыва, то и спать человек мог до тех пор, пока не умрет от истощения или пока его не сожрут пробегающие мимо любители свежего мяса.

Сняв ботинки, я осторожно подкрался к самому входу. В одной руке я крепко сжимал нож, а в другой, вытянутой подальше от себя, держал охапку мха. Конечно, можно было и ночью наведаться в гости к моему бывшему напарнику, но тогда я точно не заметил бы шести установленных у входа растяжек и обязательно влетел бы в одну из них. А так, успешно преодолев ловушки, я подкрался к самому спальному мешку. Затаив дыхание, я смотрел на ненавистную Ленькину рожу и медленно приближал к его лицу лоскут «вечного сна». В самый последний момент Ленька что-то почувствовал и неожиданно проснулся. Он судорожно дернулся, в его глазах мелькнуло искреннее удивление и жалкая такая скулящая просьба о пощаде, но было уже поздно. Наркотик начал действовать. Я резко придавил клочок мха к его лицу, придержал его руки, которые пролезли через прорезы в спальнике и уже вцепились в «калаш», и подождал несколько минут, чтобы уже наверняка Ленька погрузился в глубокий беспробудный сон.

После чего я забрал его автомат, извлек засранца из спального мешка и связал так крепко и надежно, как только умел. А потом подошел к потухшему костру, открыл еще теплый котелок и с аппетитом навернул ароматную похлебку, оставленную Леонидом на завтрак.

Всю эту долгую ночь я вынужден был просидеть в облаке тонкого убийственного аромата, исходящего из грота. Так долго надо мной еще никто не издевался, не терзал самой извращенной и жесткой «пыткой колбасой»...

Эх, хвост, чешуя

Солнце стояло уже в зените, но в небольшую тупиковую пещерку свет едва просачивался через узкие трещины в обвалившемся своде. Эта подземная пустота некогда была техническим помещением небольшой шахты, из которой в свое время выгребли все скудные запасы руды. Вход давно взорвали, а саму шахту затопили грунтовые воды. Но в отсеченную обвалами подсобку, где валялись ржавые поломанные вагонетки, какой-то плазмодид прожег узкий и крутой вход. В эту неприметную коварную дыру в земле я как-то и провалился. Дело было почти год назад. И пока зарастали раны на моих ногах, я успел хорошо изучить это хоть и тесноватое, но укромное местечко. По счастливой случайности подсобка была расположена недалеко от грота. Сюда я и приволок мирно сопящего Леонида. Здесь я его и растянул крестом за руки-ноги на основании перевернутой вагонетки.

И пока бывший напарничек досматривал наркотические сны, я внимательно изучил содержимое рюкзака, где лежали его личные вещи. В маленьком наружном кармашке, в который можно было удобно залезть прямо на ходу, я обнаружил свой наладонник. И каково было мое удивление, когда я понял, что все коды безопасности и пароли с баз данных были сметены подчистую. Я, конечно, знал, что взломать мой гаджет способен любой хороший профессионал при наличии нужного оборудования. Но как это удалось Леониду в полевых условиях?! А дальше стало еще интереснее.

Под верхним слоем обычных личных шмоток оказалась небольшая пластиковая коробочка. Внутри нее лежал многозарядный пневматический пистолет, плюющий очень компактными пулями с транквилизатором. Сие оружие для Зоны было крайне экзотическим. Подобные, но более громоздкие экземпляры я видел в стандартных наборах научных экспедиций, которые отлавливали и изучали местных мутантов. Но зачем Леонид взял эту штуку с собой и где, черт возьми, он ее раздобыл?

Еще глубже, замотанная в носки, лежала маленькая армейская аптечка, которую я купил на сдачу этому упырю. Вот только ее содержимое сейчас было далеко не базовым. Внутри оказались очень серьезные препараты, начиная от мощных стимуляторов и заканчивая универсальными антитоксинами и нейтрализаторами радиационных воздействий. Конечно, все эти модные пилюли, ампулки и одноразовые шприц-тюбики можно было купить на черном рынке, но лишь за хорошие бабки, ибо эти припасы тырили с особых военных складов. Такими препаратами пользовались бойцы спецназа из службы охраны Периметра и моя «любимая» гэбня.

Следующим нежданчиком, извлеченным из глубин рюкзака, оказался шикарный военный тепловизор со стандартным креплением под шлем. Под ним лежала кевларовая каска, засыпанная доверху белыми кругляшками размером с шарик для пинг-понга. Это были профессиональные сталкерские аэрозонды. При активации такой шарик выпускал тонкую нить с карабином, автоматически надувался и уплывал вверх на заданную высоту. При срабатывании зонд не лопался, как это делают прочие «надувашки», и не привлекал стороннее внимание громким звуком, а передавал ощутимые вибрации по нити и скидывал предупреждающий сигнал на крохотный наушник. И если учесть, что на каждом таком чуде стоял хоть и примитивный, но детектор зон ИФП, то сигнал об опасности приходил еще до того, как зонд уничтожался. При срабатывании датчика аэрозонд не только предупреждал ходока, но и сам себя спасал, сматывая нить и опускаясь вниз на несколько метров. Эта примочка больше всего нравилась зонным бродягам, ибо помогала здорово сэкономить.

Еще одной любопытной вещичкой, которую я нашел на дне рюкзака, оказалась специализированная рация, разработанная правительственными учеными исключительно для Зоны Три-Восемь. Такая штуковина могла запросто пробить «шумовую сферу» и отправить

сквозь бурю помех достаточно мощный сигнал, чтобы его смогли поймать даже за Периметром. А элементом питания в этой рации служил запрещенный для использования гражданскими лицами инопланетный объект «этак». Эту «вечную батарейку» до Моратория⁴ можно было приобрести в любом специализированном магазине. Но сейчас, без риска быть расстрелянными, подобные штуки носили лишь редкие бойцы спецслужб. И если до сих пор у меня еще оставались какие-то сомнения насчет Леньки, то теперь я на все двести процентов был уверен, что брательник Паскаля оказался полевым агентом службы МКЗП, работающим под прикрытием среди честных бродяг.

И напоследок я нащупал в скрытом кармашке рюкзака полимерные наручники с электронным замком и серебристую чип-карту, открывающую их. Этот реквизит опять же указывал на то, что его владелец либо агент правительственных спецслужб, либо какой-то совсем уж элитный охотник за головами.

Сопоставив все недавние события и проанализировав Ленькин походный комплект, я пришел к неутешительному выводу – этот гад с самого начала знал, что я отправляюсь на поиски Чичероне. Может, потому он, прикинувшись бомжем, и завалился так неожиданно к своему брату? Может, потому и навязался ко мне в напарники? Но как он мог узнать?! Да и шанс у любого незнакомого человека вот так просто упасть мне на хвост – мизерный. Как же это так я опростоволосился?..

* * *

– М-м, э-э... – донеслось из затемненного уголка пещерки; Ленька очухался.

– И снова здравствуйте! – Я подошел к нему и включил заранее приготовленный диодный светильник. – Хотя нет, здоровья тебе я сейчас не желаю, да и не светит тебе оно.

– Но как? – проскрипел Ленька. – Как ты выжил? Это невозможно.

– Выживать – это моя работа, и не из таких передряг выходил. Скажи лучше, почему ты не свалил отсюда, как только от меня избавился? В торговой зоне я бы уже не смог тебя достать. Там всякие условности действуют, даже какие-то свои законы и судебные разбирательства. А мне не судить тебя надо. Мне выпотрошить тебя, урода, надо. Чем я сейчас и займусь.

Я демонстративно медленно извлек свой зазубренный нож и принялся методично вспарывать Ленькину одежду. Но бывший напарник не выглядел напуганным. Он нацепил на рожу кривую улыбку и молча ждал, пока я срежу с него приличную часть камуфляжа. И когда на пол упали лоскуты его кителя, я понял значение этой ехидной ухмылки. Все тело Леонида было покрыто чудовищными шрамами. И это были не отметины от боевых столкновений или аномальных воздействий. Его уже кто-то пытал, причем с немалым энтузиазмом.

⁴ Мораторий – подразумевается скандальный всемирный мораторий, запрещающий под страхом смертной казни хранение, изучение и свободное распространение любых инопланетных артефактов, найденных в Зонах Посещения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.